Клайв С. Льюис

СЕРЕБРЯНОЕ КРЕСЛО

Серебряное кресло
Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. Серебряное кресло
Глава первая. За школой
Глава вторая. Джил получает задание
Глава третья. Король уходит в плавание
Глава четвёртая. Совиный совет
Глава пятая. Хмур
Глава шестая. По пустынным северным местам
Глава седьмая. Холм со странными рвами
Глава восьмая. В Харфангском замке
Глава девятая. О том, как наши герои узнали кое-что важное
Глава десятая. Там, где не светит солнце
Глава одиннадцатая. В тёмном замке
Глава двенадцатая. Королева подземья
Глава тринадцатая. Подземье без королевы
Глава четырнадцатая. Самое дно мира
Глава пятнадцатая. О том, как исчезла Джил
Глава шестнадцатая. Всё хорошо

Аннотация

Юстэс и его подруга Джил были перемещены Великим Львом Асланом в Нарнию, чтобы найти принца Рилиана, сына короля Каспиана.

Хватит ли у детей сил точно запомнить и выполнить сложное задание, противостоять злым чарам королевы Подземья и вернуться в Нарнию со Дна Мира?

Клайв Льюис
Серебряное кресло

Посвящается Никласу Харди

Глава первая
За школой

В тот скучный осенний день Джил плакала на заднем дворе школы. Плакала она потому, что её дразнили.

Наша история не о школе, так что о ней я скажу

немного, тем более что это не слишком приятная тема. Школа была для мальчиков и девочек, и её обычно называли школой смешанного обучения; но если где что и смешалось, так это в головах её начальства. Люди эти считали, что детям надо позволять всё, что им нравится; а как на беду десятку ребят постарше нравилось дразнить и мучить всех остальных. Все мелкие и крупные пакости, которые в обычной школе можно обнаружить и пресечь за месяц, здесь процветали постоянно. Если что-нибудь и выплывало наружу, никого не наказывали. Директор говорил: «Гм, интересный случай», посылал за виновным и долго с ним беседовал. Тот, кто знал, как ему подыграть, становился даже его любимцем.

Поэтому Джил Поул и плакала скучным осенним днём на мокрой тропинке между школой и зарослями кустарника. Она еще не наплакалась, когда из-за угла вышел, насвистывая, мальчик. Руки он держал в карманах и едва не наскочил на неё.

— Смотри, куда идёшь, — сказала Джил.

— Ладно, не заводись, — начал он и тут заметил её лицо. — Что это ты?

У Джил дёргались губы; так бывает, когда вы хотите что-то сказать, но чувствуете, что запла-

чете, едва откроете рот.

— Ага, значит, опять *они*, — хмуро произнес мальчик, ещё глубже засовывая руки в карманы.

Джил кивнула. Говорить нужды не было. Оба понимали, о ком речь.

— Послушай, — сказал мальчик, — если мы все станем… — Он хотел сказать ей что-то доброе, но начал, как учитель на уроке, и Джил вскипела (да и как не вскипеть, когда тебе не дали выплакаться).

— Иди-ка отсюда, — сказала она. — Не твоё дело. Тебя не спрашивали. Что же, так и подлизываться к *ним*, и плясать перед ними?

— Ты что! — воскликнул мальчик. Звали его Юстэс Вред, но вообще-то парень он был неплохой. — Джил! Разве это честно? Разве я сам так делаю? Разве я не вступился за кролика? Разве я выдал Спивинса, хоть меня и били? Разве я…

— Не знаю и знать не хочу, — всхлипнула Джил.

Юстэс понял, что она ещё не отплакалась, и мудро протянул ей мятную конфетку. Себе он тоже положил одну за щеку. Джил понемногу отходила.

— Извини, Вред, — сказала она. — Я не права. Ты очень хороший… в этой четверти.

— Тогда и забудь, какой я был, — сказал Юстэс. — Да, такого гада…

— Вот именно, — сказала Джил.

— Значит, я изменился, по-твоему?

— Не только по-моему, *они* тоже заметили. Элинор Блекистон слышала, что говорила Адела Пеннифевер в нашей раздевалке. Она говорила: «Что-то Вред отбился от рук. Надо бы им заняться».

Юстэс вздрогнул. Все знали в этой школе, что такое, когда тобой займутся *они.*

Дети примолкли. С кустов капали капли.

— А правда, что это с тобой? — спросила Джил.

— На каникулах много чего случилось, — загадочно произнёс Юстэс.

— А что?

Юстэс помолчал, потом сказал:

— Слушай, Джил, я думаю, раз тебе худо в нашей школе, ты человек верный.

— И на том спасибо, — отозвалась Джил.

— Но это правда страшный секрет. Джил, а ты сможешь поверить в разные штуки? Ну, в такие, над которыми все бы смеялись?

— Я не пробовала, — сказала Джил. — Наверное, могу.

— Ты поверишь, что я был не в нашем мире…

там, снаружи?

— То есть где это?

— Не в словах суть. Ну, там, где звери разговаривают… и всякие чудеса и драконы — в общем, всё, что в сказках. — Вреду было очень трудно объяснить, он даже покраснел.

— А как ты туда попал? — спросила Джил. Почему-то она тоже смутилась.

— Способ тут один — чудо, — тихо сказал Юстэс. — Я был там с двоюродными сестрой и братом. Нас туда водой смыло. А они там и раньше бывали.

Теперь, когда они говорили шёпотом, Джил стало как-то легче верить Юстэсу. Однако страшное подозрение охватило её, и она сказала грозно, как тигрица:

— Если я узнаю, что ты врёшь, я *никогда* не буду с тобой разговаривать!

— Я не вру, — сказал Юстэс. — Честное слово. Накажи меня… кто хочешь, если я вру. (Мы в своё время говорили: «Накажи меня Бог», но Бог был здесь не в почёте.)

— Ладно, — сказала Джил. — Верю.

— Ты никому не скажешь? — спросил он.

— Ну что ты!

Теперь они оба разволновались. Но Джил по-

смотрела вокруг, увидела скучное осеннее небо, услышала шелест осенних листьев, подумала обо всей школьной тоске (в этой четверти всего было тринадцать недель, и оставалось еще одиннадцать) и сказала:

— Ах, что толку! Мы-то не там, мы — здесь. И, уж конечно, туда попасть не можем. Или можем?

— Вот я и думаю, — ответил Юстэс. — Когда мы вернулись *оттуда*, он нам сказал, что брат с сестрой больше *туда* не попадут. Они уже побывали *там* три раза. Но он не говорил, что я не могу. Если бы нельзя было, он бы сказал… И я всё думаю…

— …как сделать, чтобы это случилось? — подсказала Джил. — Может, надо начертить на земле круг… и написать в нём таинственные буквы… и стать в него… и сказать волшебные слова?

— Нет, — решил Юстэс после долгого раздумья. — Примерно так и я раньше думал, хотя никогда не делал. Но сейчас я знаю, что все эти круги и слова — просто чушь. Наверное, ему бы это не понравилось. Как будто мы его заставляем, а его можно только просить.

— О ком ты говоришь? — спросила Джил.

— В *том месте* его зовут Аслан, — ответил Юстэс.

— Какое удивительное имя!

— Сам он ещё удивительней, — торжественно произнёс Юстэс. — Ну, ладно. От просьбы хуже не будет. Встанем рядом, вот так. Вытянем руки вперёд, ладонями вниз — так делали на острове Раманду…

— На каком острове?

— Потом расскажу. Наверное, ему будет приятнее, если мы встанем лицом на восток. Где же здесь восток?..

— Я не знаю, — призналась Джил.

— С девчонками всегда так, — проворчал Юстэс. — Никогда не знают сторон света.

— Ты и сам не знаешь, — сердито сказала Джил.

— Нет, я сейчас скажу, только ты не перебивай. Есть! Восток там, где лавровые кусты. Будешь за мной повторять слова.

— Какие слова? — спросила Джил.

— Которые я скажу, — ответил Юстэс. И он начал: — Аслан, Аслан, Аслан!

— Аслан, Аслан, Аслан, — повторила Джил. Но тут из-за школы донеслось: «Джил Поул? Я знаю, где она. Ревёт за школой. Привести её?»

Джил и Юстэс переглянулись, нырнули в лавровые кусты и начали карабкаться по крутому

склону, с завидной быстротой продираясь сквозь заросли. (В этой школе нельзя было научиться математике, французскому или латыни, но всякий умел, если хотел, быстро и тихо убегать от *них*.) Через минуту-другую они остановились, прислушались и поняли, что за ними гонятся.

— Хоть бы дверь была открыта! — прошептал Юстэс. Джил кивнула. На самом верху склона была каменная стена, а в стене дверь, выходившая на покрытый вереском холм. Дверь никогда не открывали, но когда-то — быть может, один раз — её видели открытой, и все всегда на это надеялись — ведь через неё так легко сбежать с уроков.

Джил и Юстэс, взмокшие и грязные, добрались до стены. Дверь была, как обычно, закрыта.

— Да, толку мало, — сказал Юстэс, дотронулся до ручки и закричал: — Ну и ну! — Ручка повернулась, дверь открылась.

Секунду назад Юстэс и Джил мечтали только о том, чтобы спастись. Но когда дверь и в самом деле открылась, они застыли на месте, ибо увидели совсем не то, что ожидали.

Они думали, что увидят серый, поросший вереском склон, поднимавшийся всё выше в осеннее небо. Вместо этого их ослепило солнце. Оно светило так ярко, словно июльским днем открыли

дверь гаража. Капли росы в траве блестели бусинками, и грязное от слёз лицо Джил было теперь освещено. Солнечный свет шёл явно из другого мира. Там росла густая трава — такой зелёной и сочной Джил никогда не видела, сияло голубое небо, что-то мелькало, яркое, как драгоценные камни или огромные бабочки.

Хотя Джил и мечтала о такой стране, сейчас ей стало страшно. Она посмотрела на Юстэса и увидела, что он тоже боится.

— Идем, Джил, — произнёс он, едва дыша.

— А мы сможем вернуться? Это не опасно? —

забеспокоилась Джил.

В этот момент позади раздался злобный голосок.

— Эй, Джил Поул! — прокрякал он. — Мы знаем, что ты там, спускайся! — Это был голос Эдит Джекл. Она была не из *них*, но из *их* приспешников и ябед.

— Быстрее! — воскликнул Юстэс. — Давай руку. — И прежде чем Джил поняла, что происходит, он схватил её за руку и подтолкнул в дверь, прочь от школы, от Англии, от нашего мира, в То Место.

Голос Эдит Джекл сразу пропал, как голос по радио, когда его выключают, и сменился совсем другими звуками. Звуки эти издавали пёстрые птицы (это они и мелькали раньше), но напоминали они не птичье пение, а музыку, и такую, которую сразу не поймёшь. Однако, несмотря на это, Джил и Юстэс ощутили, что здесь царит глубочайшая тишина. Воздух был прохладен, и Джил подумала, что они — на вершине горы.

Юстэс по-прежнему держал её за руку. Джил видела деревья, похожие на кедры, но выше. Росли они редко, кустов не было, и видно было далеко, налево и направо. Всюду одно и то же — густая трава, радужно-пёстрые птицы, голубые тени и

больше ничего. Прохладный чистый воздух был совершенно тих, лес — пустынен.

Впереди деревьев не было, только небо. Они молча шли вперед, пока Юстэс вдруг не сказал:

— Смотри!

И Джил отшатнулась назад. Они стояли на краю утёса.

Джил была из тех счастливиц, которые не боятся высоты. Ей даже нравилось стоять на краю

пропасти, и она рассердилась, что Юстэс дернул её назад. «Как маленькую», — буркнула она и вырвала руку. Увидев, как он побледнел, она презрительно спросила:

— Что с тобой?

Чтобы показать, какая она смелая, Джил встала совсем на краю, даже ближе, чем ей самой хотелось, и посмотрела вниз.

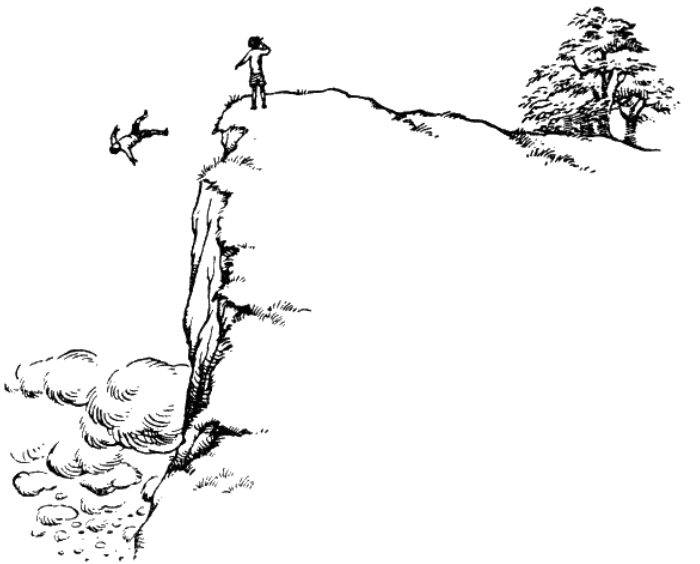
Тогда она и поняла, что Юстэс побледнел не зря. Она увидела внизу маленькие беленькие комочки, похожие на барашков, но это были облака, огромные, словно горы. Между ними едва виднелось дно пропасти, так далеко, что нельзя было различить, что там, поле или лес, земля или вода, и оттуда до облаков было дальше, чем от облаков до верха.

Джил смотрела вниз и очень хотела отойти на шаг-другой от края, но что подумает Юстэс? Наконец она решила: пусть думает что хочет, она отойдет и никогда не будет смеяться над теми, кто не любит высоты. Однако она попробовала двинуться — и не смогла. Ноги её не слушались. Перед глазами все поплыло.

— Что ты делаешь? — закричал Юстэс. — Отойди, идиотка ненормальная!

Но его голос донёсся до Джил как будто издале-

ка. Она почувствовала, что он вцепился в неё, и стала вырываться. Руки и ноги совсем не слушались. Джил испугалась, голова у неё закружилась, и она не соображала, что делает; но всё же она запомнила на всю жизнь, что вырвалась у Юстэса из рук, а он потерял равновесие и с жутким криком полетел вниз. Потом ей это часто снилось.



Хорошо хоть, она не успела понять, что она наделала. Какой-то огромный зверь с золотистой

гривой бросился к краю скалы. Он лёг, свесился вниз и, что самое странное, стал дуть. Не рычать и не фыркать, а именно дуть широко открытой пастью, сильно и размеренно, как пылесос. Джил упала рядом с ним и чувствовала, как он дышит. Лежала она не шелохнувшись, ибо не могла подняться. Она чуть сознание не потеряла, да что там — ей хотелось потерять сознание, но ведь по заказу это не бывает. Тут она увидела далеко внизу тёмное пятнышко, удаляющееся с огромной скоростью. Джил казалось, что его несёт и подгоняет дыхание неведомого зверя.

Она повернулась и посмотрела. Это был лев.

Глава вторая
Джил получает задание

Даже не взглянув на Джил, лев встал и дунул в последний раз. Затем, словно удовлетворённый своей работой, повернулся и медленно прошествовал в лес.

«Это просто сон, — сказала себе Джил. — Сейчас я проснусь».

Но это был не сон.

«Лучше бы мне никогда не попадать в это страшное место, — подумала она. — Наверное, и

Юстэс знал о нём не больше, чем я. А если знал, то не имел права тащить меня сюда. Надо было сперва объяснить, что здесь такое. Я не виновата, что он свалился со скалы. Если бы он не вцепился в меня, все было бы хорошо». Тут она вспомнила его жуткий крик и расплакалась.

Плакать неплохо, пока ты плачешь. Но рано или поздно слёзы кончаются, и тогда надо решать, что же делать. Джил вытерла слёзы и поняла, что ей страшно хочется пить. До сих пор она лежала ничком, а сейчас села. Птицы больше не пели, вокруг стояла тишина, только издалека доносился тихий неумолкающий звук. Она внимательно прислушалась и решила, что это журчит вода.

Джил встала и осмотрелась. Льва нигде не было, но он мог спрятаться за деревьями. Собственно, там могли быть и другие львы. Но пить ей хотелось сильно, она собралась с духом и отправилась искать воду. Она шла крадучись от дерева к дереву, останавливаясь и оглядываясь на каждом шагу.

В лесу было так тихо, что она без труда догадалась, куда идти. Звук становился всё отчетливее, и вскоре Джил вышла на открытую поляну. Чистый, как стекло, ручей бежал сквозь вереск. Когда Джил увидела воду, жажда её усилилась

в десять раз, но она не бросилась к ручью. Она застыла как каменная, открыв рот. И было отчего — на берегу ручья лежал лев.

Он лежал, подняв голову и вытянув лапы, как львы на Трафальгарской площади. Джил сразу поняла, что прятаться бесполезно: он взглянул на неё, затем отвёл взгляд, как будто хорошо её знал и невысоко ставил.

«Если я побегу, он сразу догонит меня, — подумала она. — А если подойду, попаду к нему в пасть». В любом случае она не могла сдвинуться с места и не могла отвести от него глаз. Она не знала, долго ли стоит, но ей казалось, что очень долго. Пить хотелось так, что ей уже было всё равно, съест он её или нет, только бы сначала напиться.

— Если хочешь пить, иди и пей.

Это были первые слова, которые она услышала с того времени, как Юстэс говорил с нею на краю пропасти. Она оглянулась, пытаясь сообразить, кто это; и снова раздался голос:

— Если хочешь пить, подойди и пей.

Она вспомнила, что Юстэс рассказывал о говорящих животных, и поняла, что это лев. Во всяком случае, губы у него шевелились, да и голос был не совсем человеческий. Он был глубже, звонче и

сильнее — тяжёлый, словно золото, голос. Теперь она боялась не меньше, но страх стал каким-то иным.

— Разве ты не хочешь пить? — спросил лев.

— Ужасно хочу, — призналась Джил.

— Вот и пей, — сказал лев.

— Нельзя ли… не могли бы вы немного отойти, пока я пью? — спросила Джил.

Лев только взглянул на нее и глухо зарычал. Джил посмотрела на него и поняла, что с таким же успехом она просила бы подвинуться гору. Дивное журчание воды сводило её с ума.

— Вы обещаете не… ничего не делать, если я подойду? — спросила Джил.

— Я не даю обещаний, — ответил лев.

Джил так хотелось пить, что, сама того не замечая, она подошла на шаг ближе.

— Вы едите девочек? — спросила она.

— Я проглотил много девочек и мальчиков, мужчин и женщин, королей и императоров, городов и царств, — ответил лев. Он сказал это без хвастовства, сожаления или гнева. Просто сказал.

— Я боюсь подойти, — сказала Джил.

— Тогда ты умрёшь от жажды, — заметил лев.

— Вот ужас! — сказала Джил, делая ещё один

шаг вперёд. — Лучше я пойду поищу другой ручей.

— Другого ручья нет, — сказал лев.

Джил и в голову не пришло усомниться в его словах — и вам бы не пришло, если бы вы видели его серьёзный взгляд, — и она решилась. Никогда ещё ей не было так страшно; но она подошла к ручью, опустилась на колени и зачерпнула воду ладонью. Такой прохладной, освежающей воды она в своей жизни не пила, жажду эта вода утолила сразу. Прежде чем пить, она решила удрать от льва, как только напьётся, но тут же поняла, что это опаснее всего. Она встала, не отерев губы, и не двинулась с места.

— Подойди, — сказал лев. И она подошла. Она стояла между передними лапами льва, глядя ему в глаза. Но долго она не могла выдержать и опустила взор.

— Девочка, — сказал лев, — где же мальчик?

— Он упал со скалы, — ответила Джил и добавила: — сэр. — Она не знала, как к нему обращаться, но не прибавить ничего было бы невежливо.

— Как же это случилось?

— Он хотел, чтобы я не упала, сэр.

— А почему ты стояла так близко к краю?

— Я красовалась перед ним, сэр.

— Это очень хороший ответ. Не делай так больше. Сейчас, — и лев показался ей не таким суровым, — сейчас мальчик жив. Я дул на него, и он улетел в Нарнию. Но тебе будет труднее из-за того, что ты натворила.

— Что мне будет труднее, сэр?

— То, ради чего я вызвал вас из вашего мира.

Джил удивилась. «Он меня с кем-то путает», — подумала она, но сказать не посмела, хотя боялась, что из-за этого начнётся ужасная неразбериха.

— Скажи, о чём ты думаешь, девочка, — произнёс лев.

— Я подумала… нет ли здесь ошибки? Понимаете, никто нас не звал. Это мы попросились сюда. Юстэс сказал, что надо кого-то попросить — не знаю кого, — и он нас, может быть, впустит. Мы попросили, и дверь оказалась открытой.

— Вы не воззвали бы ко мне, если бы я не воззвал к вам, — сказал лев.

— Значит, это вы и есть, сэр? — спросила Джил.

— Да. А теперь слушай. Далеко отсюда, в Нарнии, живёт старый король. Он в печали, потому что у него нет наследника. Его единственного сына похитили много лет назад, и никто в Нар-

нии не знает, где он сейчас и жив ли. Он жив. Я повелеваю тебе искать похищенного принца, пока не найдёшь его и не приведёшь к королю, или не умрёшь в поисках, или не вернёшься в свой собственный мир.

— Простите, а как его найти? — спросила Джил.

— Я тебе скажу, — ответил лев. — Вот знаки, которыми я буду вести тебя. Первый: как только Юстэс окажется в Нарнии, он встретит старого и дорогого друга. Он должен сразу к нему подойти, тогда вам будет много легче. Второй знак: вы должны отправиться из Нарнии на север и добраться до разрушенного города древних великанов. Третий знак: вы увидите надпись на камне и поступите так, как она велит. Четвёртый: вы узнаете принца (если найдёте), потому что он первый в ваших странствиях попросит вас помочь ему ради меня, ради Аслана.

Когда лев кончил, Джил подумала, что надо ответить, и сказала:

— Спасибо большое. Я поняла.

— Девочка, — сказал лев гораздо мягче, чем говорил до сих пор, — возможно, ты и поняла, но не так хорошо, как тебе кажется. Прежде всего это надо запомнить. Повтори мне по порядку все

четыре знака.

Джил попробовала и сбилась. Лев поправил её, и она повторяла снова и снова, пока не запомнила как следует. Все это время он был очень терпелив, так что, когда со знаками покончили, Джил набралась храбрости и спросила:

— А как я доберусь до Нарнии?

— Силой моего дыхания, — ответил лев. — Я сдуну тебя на запад мира, как сдунул Юстэса.

— А я успею сообщить ему о первом знаке? Да нет, это не важно… Если он увидит старого друга, он и сам заговорит с ним.

— У тебя мало времени, — сказал лев. — Ступай. Иди впереди меня к краю пропасти.

Джил понимала, что времени нет по её вине. «Если бы я не валяла дурака, — подумала она, — мы с Вредом отправились бы вместе. Тогда он сам услышал бы про знаки». И она пошла к краю скалы. Ей было очень страшно, особенно оттого, что лев шёл не рядом, а позади и ступал совсем тихо, беззвучно.

Прежде чем она подошла к самому краю, лев произнёс:

— Остановись. Сейчас я начну дуть. Главное — помни, помни, помни знаки. Повторяй их по утрам, и перед сном, и ночью, когда проснёшься!

Какие бы странные события с тобой ни происходили, не забывай о знаках. И ещё одно: здесь, на горе, я говорил с тобой прямо. В Нарнии так будет не всегда. В горах воздух чист и чист твой разум; когда ты окажешься внизу, воздух уплотнится. Знаки не будут там такими, как ты думаешь. Вот почему важно знать их наизусть и не обольщаться тем, что видишь. Помни знаки и верь в них. Все остальное не важно. А теперь, дочь Евы, прощай…

Голос становился всё тише и совсем исчез. Джил обернулась. К своему изумлению, она обнаружила, что скала уже ярдах в пятидесяти, а лев стал золотым пятном на её краю. Дыхание его было таким мягким, что она и не заметила, когда отделилась от земли. Кругом на сотни метров под ней был только воздух. Плыть было очень приятно. Джил обнаружила, что может лечь на спину или на живот или поворачиваться во все стороны, как в воде. Она неспешно плыла на львином дыхании, ветер не дул, воздух был тёплый. Это совсем не напоминало самолёт — не было ни шума, ни тряски. Если бы Джил летала на воздушном шаре, она бы подумала, что это похоже, только лучше.

Оглянувшись, она впервые поняла, с какой

высокой горы слетела, и удивилась, что там нет ни снега, ни льда. «Наверное, тут у них всё по-другому», — решила она и взглянула вниз, но с такой высоты не могла определить, суша под ней или море и быстро ли она летит.

«Ох, а знаки! — воскликнула она. — Повторю-ка их». Она перепугалась, но быстро успокоилась: знаки она помнила. «Ну, и хорошо», — сказала она и легла на воздух, как на диван, вздохнув с облегчением.

«Ах ты, да я спала. Вот смешно! — подумала она немного погодя. — Наверное, никто ещё не спал в небе. Хотя нет, Юстэс мог спать, он же летел недавно. Посмотрю-ка я вниз».

Небо под ней было похоже на большой синий луг. Гор нигде не было, но какие-то большие белые штуки неспешно двигались к ней. «Наверное, это облака, — подумала она. — Отсюда они куда больше, чем с утёса. Значит, они ближе. Я спускаюсь. Ах, солнце слепит!..»

Солнце светило ей теперь в глаза — значит, оно садилось, и притом перед ней. Юстэс был прав — не знаю, как другие девочки, но Джил в сторонах света не разбиралась. Иначе она поняла бы, что летит прямо на запад. Разглядывая синие равнины, она заметила светлые пятнышки и

подумала: «Это море», а потом: «Нет, это острова». Так оно и было. Наверное, она бы позавидовала, если бы узнала, что острова эти Юстэс видел с палубы, а на некоторых и побывал; но она этого не знала. Попозже она рассмотрела складочки на синей глади — должно быть, океанские волны. Теперь у горизонта, прямо на глазах, утолщалась тёмная полоска, и Джил впервые ощутила, как быстро она летит. Кроме того, она поняла, что полоска эта — берег.

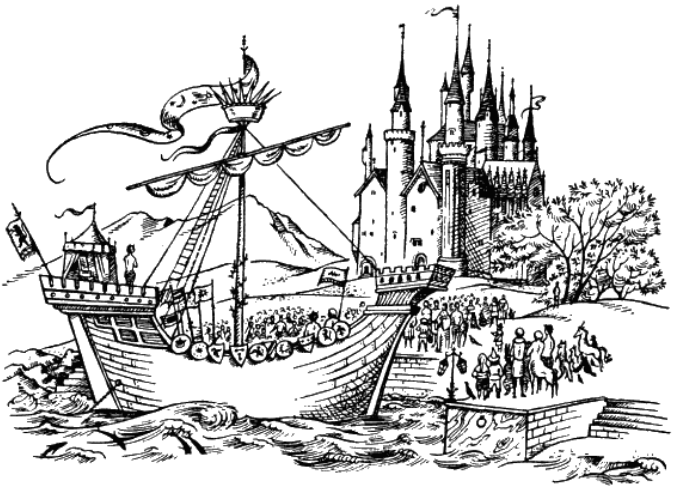
Вдруг слева появилось огромное белое облако, движущееся навстречу на той же высоте, и, прежде чем Джил поняла, что с ней, она очутилась в самой середине прохладной влажной массы. У неё захватило дух, но только на секунду. Она вынырнула в яркие лучи солнца, мокрая насквозь (на ней были свитер, куртка, брюки, носки и туфли на толстой подошве — в Англии стояла осень), и заметила то, чего должна была, по-моему, ждать, но не ждала и перепугалась. То были *звуки*. До сих пор она летела в полнейшей тишине. Теперь она услыхала шум волн и крики чаек и ощутила запах моря. Сомневаться, быстро ли она летит, уже не приходилось: она видела, как с плеском и пеной катятся друг за другом волны. Она видела горы в глубине острова. Она

видела бухты и дюны, мысы, леса и поля, песчаную полоску берега. Звук прибоя становился громче с каждым мгновением.

Совсем неожиданно земля оказалась прямо под ней. Джил приближалась к устью какой-то реки, она летела очень низко, в нескольких ярдах над водой. Гребень волны коснулся её башмака, и пена окатила её. Теряя скорость, она планировала вдоль левого берега реки. Видно было столько, что и не рассмотришь: мягкая зелёная лужайка, корабль, похожий на огромный драгоценный камень, башни и зубчатые стены, развевающиеся на ветру флаги, люди в ярких одеждах, щиты, мечи, золото. Все это смешалось; потом она ощутила землю и поняла, что она — в роще, почти у берега, а в нескольких шагах от неё сидит Юстэс.

Она подумала, какой неопрятный и непривлекательный у него вид, и сразу затем: «Да я сама мокрая!»

Глава третья
Король уходит в плавание



Вообще-то Юстэс выглядел таким грязнулей (да и Джил тоже), потому что вокруг все сияло. Лучше я сразу это опишу.

Сквозь расщелину гор в глубине острова лились лучи заходящего солнца. За большим лугом возвышался замок с множеством башенок, и флюгера его сверкали на солнце (Джил никогда

не видела такого дивного замка). Вблизи была набережная, облицованная белым мрамором, а у причала стоял корабль, багряный и золотой, с огромным флагом на мачте, флажками на палубе и блестящими щитами вдоль фальшборта. На сходнях стоял очень старый человек в пурпурной мантии, из-под которой виднелась серебряная кольчуга. Голову его венчал золотой обруч. Белоснежная борода спускалась почти до пояса. Стоял он прямо, положив руку на плечо богато одетого вельможи помладше, но тоже старого и немощного. Казалось, его унесет простое дуновение ветра. Глаза его были влажны.

Прямо перед королём — он обернулся к народу — стояла небольшая повозка, в которую был впряжён ослик. Там сидел толстый гном. Одет он был так же богато, как король, но обложен подушками и потому казался просто грудой меха, шёлка и бархата. И стар он был, как король, но повеселее, а глазки его смотрели мудро и зорко. Огромная лысина сверкала на солнце, как бильярдный шар.

Дальше полукругом стояли придворные, это Джил сразу поняла. На них тоже стоило поглядеть, так хороши были их одежды и оружие. Все вместе они скорее напоминали клумбу, чем тол-

пу. Но больше всего удивляли не одежды, а сами люди, если их можно назвать людьми. Пожалуй, лишь каждый пятый походил на человека. Всех остальных в нашем мире нет, но Джил узнала их, потому что видела на картинках. То были фавны, сатиры, кентавры, гномы. Были тут и звери — медведи, барсуки, кроты, леопарды, мыши, только не такие, как у нас. Некоторые были намного крупнее. Мыши, например, больше двух футов ростом — ходили на задних лапах. Но даже не в этом дело. По выражению их лиц было ясно, что они разговаривают и думают совсем как мы.

«Ух ты! — подумала Джил. — Значит, это правда». И тут же спросила себя с опаской: «А они не злые?», потому что заметила двух-трёх великанов и ещё каких-то, совсем непонятных. Но в памяти её всплыли Аслан и знаки. Она совершенно не думала о них последние полчаса.

— Юстэс! — прошептала она, хватая его за руку. — Юстэс, быстро! Ты никого здесь не знаешь?

— Ах, опять ты тут? — недовольно проворчал Юстэс (у него были для того причины). — Помолчи, я послушать хочу.

— Не дури! — заторопилась Джил. — Нельзя терять ни минуты. Ты не видишь здесь старого друга? Если видишь, немедленно подойди и за-

говори с ним.

— О чем ты? — удивился Юстэс.

— Аслан… ну, лев… сказал, что так надо, — в отчаянии проговорила Джил. — Я его видела.

— Ты… ты видела его? Что он сказал?

— Он сказал, что ты сразу увидишь в Нарнии друга и тебе надо с ним заговорить.

— Да я здесь никого не знаю! Может, это и не Нарния?

— Ты же сказал, что был здесь раньше, — напомнила Джил.

— Ты не так поняла.

— Вот это да! Ты сказал…

— Да помолчи ты! Давай послушаем, что они говорят.

Король что-то говорил гному. Джил не расслышала, только видела, что тот всё время кивал или мотал головой. Затем король, уже погромче, обратился к своим подданным, но голос у него был такой слабый и надтреснутый, что Джил очень мало удалось разобрать, тем более что говорил он о людях и местах, про которые она никогда не слышала. Закончив речь, король наклонился и поцеловал гнома в обе щёки, затем выпрямился, поднял руку, как будто благословляя, и стал медленно подниматься на борт корабля. Прибли-

жённые, судя по всему, были глубоко опечалены. Замелькали носовые платки, послышались всхлипывания. Сходни сбросили, на корме запели трубы, и корабль отчалил.

— Ну вот, — начал Юстэс, но ему не удалось продолжить, потому что в этот момент что-то большое и белое, вроде воздушного змея, мелькнуло в воздухе и приземлилось у его ног. Это была белая сова, очень большая, со взрослого гнома.

Сова моргнула, прищурилась, словно страдала близорукостью, склонила голову набок и сказала мягким, но громким голосом:

— У-ух, у-ух! А это кто такие?

— Меня зовут Юстэс, а её Джил, — ответил мальчик. — А где это мы, позвольте узнать?

— В Нарнии, в Кэр-Паравале. Вон королевский замок.

— Так это король отплыл?

— Ах и ух! — печально произнесла Сова, качая большой головой. — Какой же в вас дух? Летели вы оба, как пу-ух. Никто не заметил вас двух, но тонкий мой слух…

— Нас послал сюда Аслан, — сказал Юстэс, переходя на шепот.

— Ух ты!.. — воскликнула Сова, распуская пёрышки. — Вот это весть! Да ещё рано вечером!

Теперь я так взволнованна, что до утра в себя не приду!

— Нас послали найти принца, — сказала Джил, которой очень хотелось участвовать в беседе.

— Первый раз слышу, — удивился Юстэс. — Какой еще принц?

— Ты бы лучше поговорил с лордом-правителем, — сказала Сова. — Его зовут Трам. — Она повернулась и пошла, ухая себе под нос: — Ух-ху-ху, ну и ну! Не пойму! Не по моему уму!

— А как зовут короля? — спросил Юстэс.

— Каспиан Десятый, — ответила Сова.

Джил удивилась, почему Юстэс остановился и страшно побледнел. Она ещё не видела его в таком отчаянии. Но не успела она задать вопрос, как они подошли к гному, подбиравшему поводья, чтобы вернуться в замок. Придворные покидали набережную, кто — парами, кто — кучками, как бывает после спектакля или состязаний.

— Тью-фью! Хм-хм! Достопочтенный лорд-регент, — произнесла Сова и, выступая немного вперёд, что-то зашептала гному.

— Что? — спросил гном. — Кто это такие? Как они сюда попали?

— Они прилетели, милорд, — ответила Сова.

— Свиристели? — удивился гном. — Ты в своем уме? По-моему, это два очень грязных человечка. Чего они хотят?

— Меня зовут Джил, — сказала Джил, делая шаг вперёд. Ей страшно хотелось объяснить, по какому важному делу они прибыли.

— Ее зовут Джил, — громко крикнула Сова.

— Что?! — изумился гном. — Кто-то здесь жил? Ну и что? Кто именно? Зачем? И потом, говори громче. А то шепчут, шепчут… Кто здесь жил?

— Никто! — прокричала Сова.

— Кто?

— Никто!

— Ну ладно, ладно. Зачем так кричать? Я не глухой. Ты что же, пришла мне сказать, что никто здесь не жил? Какая чепуха!

— Скажи ему лучше, что меня зовут Юстэс Вред, — посоветовал Юстэс.

— А это Юстэс Вред, милорд! — изо всех сил прокричала Сова.

— Бред? — сердито переспросил гном. — Оно и видно! К чему же нам бред, а?

— Не бред, а Вред… фамилия такая… Он хочет спасти…

— Пасти? У нас пастухов хватает. Ничего не разберу. Когда я был молод, сударыня, страну населяли *говорящие* звери и птицы. Они не шамкали, не бормотали, не пришепётывали. Этого никто бы не потерпел. Нет, уж увольте! Урнус, подай мне, будь так добр, слуховую трубку…

Невысокий фавн, тихо стоявший рядом с гномом, протянул ему серебряную слуховую трубку. Пока гном её прилаживал — она обвивалась вокруг шеи, как какой-то музыкальный инструмент, — Сова склонилась к детям и прошептала:

— До меня наконец кое-что дошло. Ничего не говорите о принце. Объясню позже. А сейчас — ни гугу, ух-ху-ху! Уф!

— Ну, — произнёс гном, — если у тебя есть что-нибудь путное, сударыня, то скажи. Вдохни побольше воздуха и не торопись, будь добра.

Гном покашливал и ворчал, но с помощью детей Сова всё же объяснила, что чужеземцы посланы Асланом к Нарнийскому двору. Гном взглянул на них поблагосклонней.

— Сам Аслан послал? — переспросил он. — Значит, вы… хм… оттуда? Из-за края света? А?

— Да, милорд, — крикнул в трубку Юстэс.

— Значит, вы — сын Адама и дочь Евы? А? — спросил гном, но в экспериментальной школе не учат про Адама и Еву, и они ответить не могли. Правда, он этого не заметил.

— Что ж, дорогие мои, — сказал он, беря за руку сперва Юстэса, потом Джил и чуть-чуть склоняя голову. — Добро пожаловать. Если бы король, мой бедный властелин, в этот самый час не отправился к Семи Островам, он порадовался бы вашему прибытию. Это хоть на миг вернуло бы ему молодость, да… Ну что ж, теперь самое время ужинать. По какому делу вы прибыли — расскажете завтра, в Совете. Сударыня, позаботься о том, чтобы гостям приготовили спальни, одежду и всё прочее… И… разреши, скажу на ушко…

Тут гном наклонился к Сове и собирался за-

шептать, но, как и все глухие, он плохо владел голосом, и дети услышали: «Ты проследи, чтобы их хорошенько отмыли».

После этого он вежливо стегнул ослика (ослик был очень толстый), и тот затрусил к замку, а фавн, Сова и дети пошли медленней. Солнце село, становилось прохладно. Они пересекли поляну и прошли через сад к северным воротам Кэр-Параваля. За воротами был поросший травой дворик. Уже светились окна — и справа, в большой зале, и слева, в причудливых пристройках, куда и повела их Сова. Встретила их необычайно милая особа, чуть повыше Джил и гораздо тоньше, но взрослая. Она была изящна, как ива, волосы у неё были, как ивовые ветви, и в них зеленел мох. Она привела Джил в одну из башен, в круглую комнату; там топился камин — поленья дивно пахли, в полу было что-то вроде ванны, а лампа свисала на серебряной цепи со сводчатого потолка. Окна выходили на запад, на неизвестные земли Нарнии, и Джил увидела отсветы заката у далёких гор. Ей захотелось приключений, и она поняла, что это — лишь начало.

Она приняла ванну, причесалась, надела новое платье — оно не только хорошо сидело, но даже пахло хорошо и шелестело при каждом движе-

нии — и только хотела вернуться к окну, чтобы хорошенько всё рассмотреть, как раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказала она.

Вошел Юстэс, тоже красиво одетый по здешней моде, но лицо его не выражало радости.

— А, вот ты где, — сердито сказал он, усаживаясь в кресло. — Я давно тебя ищу.

— Ну вот и нашел, — сказала она. — Слушай, Юстэс, здесь так хорошо, просто слов нет. — Сейчас Джил забыла и о знаках, и о принце.

— Хорошо тебе? — ехидно переспросил Юстэс, помолчал и добавил: — Лучше бы нам сюда не попадать…

— Почему это?

— Да не могу я! — воскликнул Юстэс. — Видеть короля Каспиана… таким дряхлым стариком. Это… это ужас какой-то.

— А что ж тут такого?

— Ах, ты не понимаешь! Да и не можешь ты понять! Я же не сказал, тут другое время.

— Как это?

— Пока ты здесь, у нас совсем не проходит времени. Понятно? Сколько бы мы тут ни были, вернёмся мы в ту же самую минуту.

— Хорошего мало…

— Не перебивай! А когда ты в Англии, нельзя сказать, сколько времени тут прошло. Люси и Эдмунд мне объясняли, а я, дурак, забыл. Наверное, прошло лет семьдесят с тех пор, как я здесь был. Ясно теперь? Я вернулся, какой был, а Каспиан — совсем старый.

— Значит, король — твой старый друг?! — воскликнула Джил. Ужасная мысль поразила её.

— Ещё бы, — печально сказал Юстэс. — Такой друг, лучше не бывает. В последний раз, когда мы виделись, он был немножко старше меня. Не могу я смотреть на старика с бородой и вспоминать, каким он был, когда мы захватили эти острова или боролись с Морским Змеем! Лучше бы мне узнать, что он умер.

— Перестань! — нетерпеливо перебила Джил. — Всё хуже, чем ты думаешь. Мы проворонили Первый Знак.

Конечно, Юстэс её не понял. Тогда она рассказала о беседе с Асланом, о четырёх знаках и о том, что они должны сделать.

— Вот! Ты видел старого друга, точно как сказал Аслан, и должен был сразу заговорить с ним. А ты не подошёл, и всё пошло не так с самого начала.

— Откуда же я мог знать? — удивился Юстэс.

— Слушал бы, что тебе говорят, всё было бы

иначе, — сказала Джил.

— А если бы ты не валяла дурака на скале — ты же чуть меня не убила, да, да, чуть не *убила*! — мы бы прибыли сюда вместе и оба знали, что делать.

— Ты действительно увидел его первым? — спросила Джил. — Ты же долго был здесь без меня. Ты уверен, что не видел никого раньше?

— Я появился тут за минуту до тебя, — ответил Юстэс. — Наверное, Лев дул на тебя сильнее. Старался наверстать потерянное время. А кто это время потерял? Ты.

— Ладно, не шипи, — сказала Джил. — Ой, что это?

Это звонил к ужину колокол замка, и назревавшая было ссора, к счастью, не состоялась. И ей, и ему к этому времени очень хотелось есть.

Ужин в большом зале был великолепен. Такого угощения дети не видели никогда. Правда, Юстэс был в этом мире и раньше, но он плыл на корабле и не знал, какая учтивость и пышность царят в самой Нарнии. С потолка свисали флаги, и каждую перемену блюд предвещали звуки труб и барабанный бой. Подавали супы, такие вкусные, что слюнки текли при одном воспоминании, и неизвестную рыбу, и птицу, и дичь, и пироги, и мороженое, и желе, и фрукты, и орехи, и самые

разные вина, и лёгкие напитки. Даже Юстэс приободрился и признал, что «у них тут ничего». Когда все насытились, вышел слепой певец и спел прекрасное сказание о принце Коре, девочке Аравите и славном коне, которое называется «Конь и его мальчик» и повествует о древних счастливых временах короля Питера.

Наконец дети поднялись к себе, зевая во весь рот, и Джил говорила: «Ну и выспимся же мы», потому что уже прошел целый день. Да, не знает человек, что с ним станется, и очень скоро!

Глава четвёртая
Совиный совет

Как ни странно, чем больше ты хочешь спать, тем дольше не ложишься, особенно если на твоё счастье в комнате есть камин. Джил начинала раздеваться и снова присаживалась к огню, а присев, никак не могла встать. Когда она сказала себе в пятый раз: «Нет, надо лечь», она услыхала стук в окно.

Она поднялась, отодвинула занавеску и ничего не увидела, кроме темноты. Потом она отпрыгнула в сторону, потому что какое-то огромное существо снова стукнуло в оконное стекло. Неприятная мысль пришла ей в голову: «А вдруг у них такие огромные бабочки?» Но существо опять подлетело к окну, и Джил с трудом рассмотрела клюв — видно, он и стучал в стекло. «Это птица, — решила она. — Может быть, орёл?» Ей не очень хотелось принимать сейчас гостя, даже такого, но она открыла окно и выглянула. Птица, прошумев в воздухе крыльями, опустилась на подоконник и села там, заполнив собой всё окно, так что Джил пришлось отступить. Это была Сова.

— Тс-с! Ух-фух! — сказала Сова. — Не шуми. Так вы серьезно говорили?

— Про принца? Конечно серьезно! — И Джил вспомнила лицо и голос Льва, о котором она не вспоминала, пока пировали и слушали сказания.

— Тогда не стоит терять время, — сказала Сова. — Вам нужно выбираться отсюда немедленно. Пойду разбужу твоего приятеля и вернусь за тобой. Тебе лучше надеть что-нибудь дорожное вместо дворцовых одежд. Ты и глазом не моргнёшь, как я вернусь. Ух-фух. — И, не дожидаясь ответа, она улетела.

Если бы у Джил было больше приключений, она могла бы подумать, так ли уж необходимо куда-то идти на ночь глядя, но это ей и в голову не пришло, а мысль о ночном бегстве сразу разогнала сон. Она снова натянула свитер и брюки, прикрепила к ремню нож на всякий случай и взяла кое-что из вещей, оставленных ивовой девушкой, — плащ с капюшоном («Очень хорошо, если пойдёт дождь», — подумала она), несколько носовых платков и гребёнку. Потом она стала ждать.

Она уже совсем клевала носом, когда Сова вернулась.

— Вот мы и готовы, — сказала она.

— Вы лучше идите впереди, ведь я не знаю дороги, — сказала Джил.

— Ух-ху! Через замок идти нельзя, — сказала Сова. — Полезай ко мне на спину. Мы полетим.

— Да? — воскликнула Джил изумлённо, но без восторга. — А вам не будет тяжело?

— Ух-фух! Глупости! Твоего приятеля я уже доставила. Ну-ка! Только прежде потушим лампу.

Когда они погасили свет, ночь за окном показалась им уже не чёрной, а серой. Сова села на подоконник спиной к комнате и расправила крылья. Джил взобралась на её толстую спинку и

просунула под крылья ноги. Перья были тёплые и мягкие, но держаться было не за что. «Интересно, понравилось это Юстэсу?» — подумала Джил, и тут они сильным рывком оторвались от подоконника. Зашумели крылья, голова у неё закружилась, ночной воздух, влажный и холодный, обдал лицо. Было много светлее, чем думала Джил, и, хотя небо затянули облака, полоска бледного серебра выдавала, где спрятался месяц. Поля внизу были серые, деревья — чёрные. Порывами дул ветер, предвещая дождь. Сова описала круг, так что замок оказался перед ними. Лишь в нескольких окнах горел свет. Они полетели над замком на север. Воздух стал холоднее, и Джил показалось, что под ними, в реке, мелькает их белое отражение. Потом река осталась позади, внизу чернели леса.

Сова проглотила что-то на лету, но Джил не рассмотрела что именно.

— Ох, пожалуйста, не дёргайтесь! — воскликнула она. — Вы меня чуть не сбросили.

— Прошу прощения, — сказала Сова. — Я только поймала летучую мышь. Недурно подкрепиться на лету. Поймать для тебя?

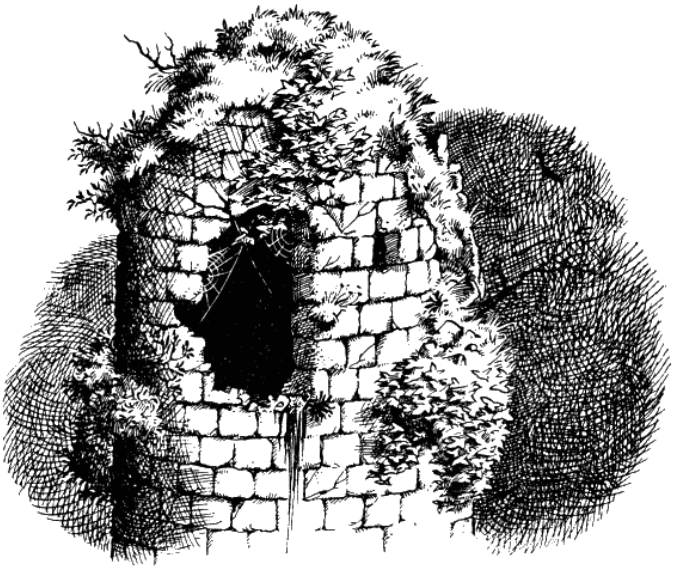
— Ой, нет! — содрогнувшись, ответила Джил.

Теперь они летели пониже, что-то большое и

тёмное вырисовывалось перед ними. Джил едва успела рассмотреть полуразрушенную, увитую плющом башню, как ей пришлось быстро нагнуться, чтобы не стукнуться о раму. Вместе с Совой она протиснулась в затянутое паутиной отверстие и попала из свежей ночной мглы в полную темноту. Внутри было шумно, и, соскользнув с совиной спины, Джил поняла, что тут собралась целая толпа, а когда из мрака послышались «ух-фух», ей стало ясно, что это всё совы. У нее отлегло от сердца только тогда, когда совсем другой голос произнёс:

— Это ты, Джил?

— Это ты, Юстэс? — откликнулась она.



— Ну, — сказала Сова, — я думаю, теперь все в сборе. Открываем совиный совет.

— Ух-фух, истинно так, — дружно заухали совы.

— Минутку! — прервал их Юстэс. — Наверное, вы, ребята, то есть совы, знаете, что король Каспиан в молодости плавал на восток, на край света. Ну так вот, я был с ним. С ним, с Рипичипом, с Дринианом и с остальными. Я понимаю, это странно, но у нас, в нашем мире, стареют не

так быстро. Словом, я — из королевской рати, и, если ваш совиный совет готовит заговор против короля, меня прошу не втягивать.

— Ух ты, ух ты! — возмутились собравшиеся. — Мы все королевские совы!

— Чего ж вы хотите?

— Понимаешь, — ответила Сова, — если бы лорд-регент услышал, что вы хотите разыскивать принца, он бы вас не пустил. Наверное, он приказал бы запереть вас.

— Что же это! — воскликнул Юстэс. — Неужели он предатель? Я много слышал о нём в старые дни. Каспиан, то есть король, доверял ему, как себе.

— Нет, — ответил кто-то, — он не предатель. Но более тридцати рыцарей, кентавров и добрых великанов отправлялись на поиски принца, и никто из них не вернулся. Наконец король сказал, что он не хочет терять лучших сынов Нарнии ради своего сына. Теперь никому не разрешают искать принца.

— Нам-то он разрешил бы, — возразил Юстэс, — если бы знал, кто я и кто меня послал.

— Кто послал нас, — сказала Джил.

— Да, — согласилась Сова, — наверное, разрешил бы. Но ведь сейчас его нет. А Трам против правил не пойдёт. Он твёрд, как сталь, но глух,

как тетерев, и очень вспыльчив.

— Вы скажете, к нам-то он благоволит, — произнёс кто-то. — Ведь всем известно, как умны совы. Но он уже так стар, что сказал бы: «Да вы просто птенец. Я вас помню яичком. Вам ли меня учить, не будь я гном!..»

Невидимая сова так хорошо передразнила гнома, что все заухали-захохотали; а дети поняли, что в Нарнии к нему относятся, как в школе к ворчливому учителю, — немножко боятся, часто смеются и все-таки любят.

— Долго король будет в отсутствии? — спросил Юстэс.

— Если б мы знали! — сказала Сова. — Прошел слух, что самого Аслана видели на островах, на Теревинфии, кажется. И король сказал, что хочет ещё раз повидаться с ним перед смертью и спросить, кому быть королём после него. Боюсь, что на островах он Льва не встретит и поплывёт на восток, всё дальше. Он никогда об этом не говорил, но мы знаем, он не забыл, как плавал на край света. Ему всегда хотелось побывать там снова.

— Значит, незачем его ждать? — спросила Джил.

— Незачем, незачем! — зашумели совы. — Если бы вы сказали заранее! Он бы всё устроил, отря-

дил с вами войска…

Джил промолчала, надеясь, что Юстэс из деликатности не расскажет совам, почему он этого не сделал. Но он пробормотал себе под нос: «Не я виноват», а вслух сказал:

— Ну, ладно, обойдёмся и так. Но прежде я хочу кое-что узнать. Если ваш так называемый совет ничего не замышляет, почему вы так прячетесь? Собираетесь в каких-то развалинах, ночью…

— Ух-ух! — раздалось сразу несколько голосов. — А где же нам собираться? Да и когда, как не ночью?

— Видите ли, — начала Сова, — у обитателей Нарнии странные привычки. Они занимаются делами днём, когда светит солнце, — ух! — а к ночи так слепнут и глупеют, что из них слова не вытянешь. Поэтому мы, совы, взяли себе за правило собираться в разумное время и обсуждать свои дела ночью.

— Понятно, — сказал Юстэс. — Тогда расскажите нам, как исчез принц.

Одна из старых сов начала рассказ.

Лет десять тому назад Рилиан, сын Каспиана, тогда еще совсем юный, прогуливался верхом вместе со своей матерью. Было это майским утром, на севере Нарнии. Их сопровождало множество рыцарей и дам, все — в венках из зелёных листьев, а собак с ними не было, они не охотились, просто гуляли. День был тёплый. Оказавшись на поляне, по которой протекал ручей, они спешились, и пили, и ели, и было им весело. Вскоре королева уснула, а принц Рилиан с остальными немного отошли, чтобы говор и смех не разбудили её. Тогда из лесной чащи выползла змея и сжала королеву своими кольцами. Услышав крики, все бросились на помощь, Рилиан впереди всех. Он увидел, как змея выпустила королеву и стала уползать. Рилиан выхватил меч и бросился за ней. Змея была огромная и отливала зелёным, словно колдовское зелье. Принц не настиг её, она ускользнула в заросли. Придворные столпились вокруг королевы, но надежды уже

не было. Едва взглянув в её лицо, Рилиан понял, что никакие лекарства ей не помогут. Жизнь ещё теплилась в ней, она что-то хотела сказать сыну, но не успела. С тех пор как они услышали крик, прошло едва ли десять минут.

Тело королевы доставили в Кэр-Параваль. Рилиан, король и вся Нарния долго оплакивали её. Это была замечательная королева, мудрая, добрая и счастливая. Еще невестой король Каспиан привез её из далёких восточных земель. Говорили, что в ней течет звёздная кровь. Принц очень страдал и часто отправлялся верхом на север, искать страшную змею. Он задумал убить её, отомстить за мать. Всякий раз Рилиан возвращался усталый и печальный. Он был задумчив, но не угрюм, и, хотя он проводил в седле целые дни, конь его не казался усталым.

Ближайший его друг, лорд Дриниан, был капитаном у его отца, когда тот плавал к восточным землям. Однажды Дриниан сказал: «Ваше высочество, не ищите змею. Зачем мстить неразумной твари? Вы только мучаете себя». Принц ответил: «Дорогой лорд, я почти забыл о змее за последние семь дней». Тогда Дриниан спросил его, зачем же он ездит в северные леса. «Любезный лорд, — ответил принц, — я встретил там самое прекрасное

на свете создание». «Тогда, прошу вас, — сказал Дриниан, — позвольте мне отправиться с вами завтра утром». «Охотно», — отозвался принц.

И вот на следующий день они оседлали коней и поскакали к северным лесам. Спешились они у того самого ручья, где смерть настигла королеву. Дриниану показалось странным, что принц изо всех мест выбрал именно это. Там они пробыли до полудня. Ровно в полдень Дриниан увидел девушку, прекрасней которой никогда не встречал. Она молча стояла на северном берегу ручья и манила принца рукой. Она была высокая, статная, ослепительно красивая, закутанная в легкую ткань зелёного цвета, и принц смотрел на неё, забыв обо всём на свете. Внезапно девушка исчезла, и Дриниан не заметил куда. Они вернулись в Кэр-Параваль. У Дриниана появилось предчувствие, что девушка обладает злыми чарами.

Он долго колебался, не рассказать ли королю об этом приключении, но, не желая слыть сплетником, промолчал. Впоследствии он пожалел об этом. На следующий день принц отправился на прогулку один. К вечеру он не вернулся, и с тех пор следов его не находили ни в Нарнии, ни в соседних землях. Не нашли ни лошади, ни плаща, ни шляпы. С тяжёлым сердцем отправился

Дриниан к королю и сказал: «Ваше величество, прикажите меня казнить, это я своим молчанием погубил вашего сына». И он рассказал о своей поездке с принцем. Король схватил боевой топор и бросился на него, а он не шелохнулся, но тут Каспиан воскликнул: «Я уже потерял королеву и сына, неужели я потеряю и друга?» И он обнял лорда Дриниана, и оба заплакали. Такова история принца.

Когда Сова закончила, Джил сказала:

— По-моему, змея — это и есть та женщина.

Совы одобрительно заухали.

— Но мы не думаем, что она убила принца, — сказала Сова. — Костей ведь не нашли…

— Мы и так знаем, что не убила, — перебил ее Юстэс. — Аслан сказал Джил, что принц не умер.

— Это еще хуже, — сказала самая старая сова. — Значит, она его держит где-то и замышляет злое против Нарнии. Давным-давно, в самом начале, сюда пришла Белая Колдунья и на сотни лет заморозила страну. Наверное, эта — из той же шайки.

— Ну что же, мы с Джил найдем принца, — сказал Юстэс. — Можете вы помочь нам? Мы должны идти на север и добраться до развалин великаньего города.

Совы заухали, захлопали крыльями, зашеле-

стели перьями и заговорили все разом, объясняя, как им жаль, что они не могут отправиться на поиски принца. «Вы захотите путешествовать днём, — говорили они, — а мы ночью, так что ничего не получится». Кто-то заметил, что и тут, в развалинах, уже не так темно и что совет затянулся. Словом, они очень испугались, им не хотелось лететь к великаньему городу. Но Сова сказала:

— Надо их доставить к какому-нибудь кваклю. Только они и смогут тут помочь.

Совы согласно заухали.

— Тогда в путь, — сказала Сова. — Я возьму одного. Кто возьмет второго? Это нужно сделать до утра.

— До кваклей я долечу, — откликнулась другая сова.

— Ты готова? — спросила Сова у Джил.

— Кажется, она спит, — ответил Юстэс.

Глава пятая
Хмур

И впрямь, Джил спала. Уже с самого начала совета она страшно зевала, потом уснула совсем. Когда её разбудили, ей ничуть не понравилось, что она лежит на пыльном полу, а вокруг столько сов. Еще меньше понравилось ей, что надо

куда-то лететь на сове; она бы предпочла лечь в постель.

— Ну, давай, Джил, поспеши, — говорил Юстэс. — Нас ждет приключение!

— Надоели мне приключения, — недовольно буркнула Джил. Тем не менее она взобралась на свою Сову и вздрогнула от неожиданно холодного воздуха, когда они вылетели из окна. Луна исчезла, звёзд не было. Далеко позади, высоко виднелось освещённое окошко — несомненно, в одной из башен, и ей очень захотелось вернуться в ту красивую спальню, лечь в постель, глядеть на огонь. Она засунула руки в карманы и поплотнее закуталась. Было жутковато слышать в темноте, как беседуют позади Юстэс и его сова. «Он-то не устал!» — думала она. Она не понимала, что он пережил тут поразительные приключения и здешний воздух вернул ему силу, которую он обрёл, когда плавал с Каспианом. Джил, чтобы не заснуть и не свалиться, пощипывала себя. Наконец они прилетели куда-то. Совы спустились, Джил с трудом слезла на землю. Деревьев здесь не было. Дул холодный ветер.

— Ух-ух, — позвала Сова, — проснитесь, Хмур, проснитесь, к вам с поручением от Льва.

Ответа долго не было. Затем появился тусклый

огонь, он приближался, послышался голос:

— Эй, совы, что случилось? Король умер? Враг высадился в Нарнии? Наводнение? Драконы?

Когда свет наконец приблизился, оказалось, что это большой фонарь. Трудно было рассмотреть, кто же его держит, видны были только руки и ноги. Совы что-то объясняли незнакомцу, а Джил слишком устала, чтобы слушать. Она постаралась немного встряхнуться, услышав, что с ней прощаются. Позднее ей удалось вспомнить только, что они с Юстэсом шлёпали по грязи и вошли, пригнувшись, в низкую дверь, и их уложили на что-то мягкое, тёплое, и голос сказал:

— Ну вот. Спасибо и на том. Лежать здесь холодно и жёстко. А также мокро. Но что поделаешь? Скорее всего вы ни на минуту не уснёте, даже если не будет шторма или наводнения и крыша не рухнет… случается, случается. Спасибо и на том, да… — Тут она уснула.

Проснувшись утром, дети обнаружили, что лежат на тёплых и сухих соломенных подстилках. Через треугольное отверстие лился дневной свет.

— Где это мы? — спросила Джил.

— В вигваме квакля-бродякля, — ответил Юстэс.

— Кого?

— Квакля-бродякля. Не спрашивай, кто это такой. Я не рассмотрел его прошлой ночью. Ладно, встаём. Пойдём посмотрим, где он.

— Противно спать одетой, — сказала Джил, садясь на подстилке.

— А мне как раз понравилось, что утром одеваться не надо, — сказал Юстэс.

— И мыться?.. — ехидно спросила Джил. Но Юстэс уже встал, потянулся, встряхнулся и вылез из вигвама. Джил последовала за ним.

Снаружи было совсем не так, как в той Нарнии, которую она видела вчера. Они стояли на болотистой равнине, покрытой островками и изрезанной протоками. Островки поросли колючей травой, осокой и тростником. Тучи птиц — уток, бекасов, цапель — поднимались в воздух и снова опускались в гнёзда. Вигвамов, похожих на тот, где они провели ночь, было очень много, но они казались отсюда чёрными точками: квакли любят уединение. Вокруг не было ни деревца, лишь на юге, милях в семи, темнела полоска леса. На востоке болото тянулось далеко, до низких холмов на горизонте, ветер был солоноват, и можно было угадать, что где-то рядом море. К северу виднелись невысокие сероватые горы, как

бы укреплённые скалами. В дождливый вечер, наверное, здесь было тоскливо, но при утреннем солнце, когда дул свежий ветер и кричали птицы, в самом одиночестве пейзажа было что-то свежее и чистое. Детям стало повеселей.

— Интересно, куда девался этот фигль-мигль? — спросила Джил.

— Квакль-бродякль, — поправил Юстэс, чуточку гордясь, что запомнил это слово. — Наверное… да вот, кажется, и он.

И тут они оба увидели, что тот сидит спиной к ним. Он удил рыбу ярдах в ста. Поначалу они его не заметили, потому что он совсем не двигался и сливался с болотом.

— Давай заговорим с ним, — предложила Джил. Юстэс кивнул. Оба немного волновались.

Когда они подошли ближе, бродякль повернул голову, и они увидели длинное худое лицо со впалыми щеками, плотно сжатый рот, острый нос и выбритый, или голый, подбородок. На жителе болот была остроконечная шляпа с непомерно широкими полями. Волосы, если их можно так назвать, свисали из-за больших ушей прямыми серо-зелёными прядями, похожими на водоросли. По торжественному выражению сероватого

лица можно было сразу догадаться, что он серьёзно относится к жизни.

— Доброе утро, гости, — произнес он. — Хотя, сказав «доброе», я вовсе не имел в виду, что не будет дождя, снега, тумана или грозы. Вам, конечно, не удалось и глаз сомкнуть?

— Нет, что вы, мы прекрасно выспались, — заверила Джил.

— Ах, — покачал головой квакль, — я вижу, что вы делаете хорошую мину при плохой игре. Что ж, так и надо. Вы хорошо воспитаны. Вас научили держаться, несмотря ни на что.

— Извините, мы не знаем, как вас зовут, — сказал Юстэс.

— Мое имя — Хмур. Но ничего страшного, если вы забудете. Я всегда смогу вам напомнить.

Дети сели по обе стороны от него. Теперь они увидели, какие у него длинные руки и ноги. Хотя тело было не больше, чем у гнома, стоя он казался выше любого мужчины. Между пальцами — и на руках, и на босых ногах — у него были перепонки, как у лягушки; кстати сказать, ногами он болтал в грязной воде. Одет он был во что-то мешковатое и землистое.

— Пытаюсь поймать угря-другого, чтобы потушить их к обеду, — сказал Хмур. — Однако не

удивлюсь, если не поймаю. А поймаю, вы всё равно их есть не станете…

— Почему же? — удивился Юстэс.

— С какой стати вам любить то же, что и нам? Хотя, конечно, есть вы будете из вежливости. Ладно, пока я тут ловлю, попытайтесь-ка разжечь огонь… Дрова за вигвамом. Наверное, они сырые. Если вы разожжёте их внутри вигвама, весь дым пойдёт вам в глаза. Если снаружи, дождь их потушит. Вот кремень, трут и огниво. Вы, конечно, не знаете, как ими пользоваться?

Но Юстэс знал это со времен своего путешествия. Дети побежали к вигваму, нашли дрова (кстати, совершенно сухие) и легко разожгли огонь. Юстэс остался его поддерживать, а Джил отправилась умываться к ближайшему протоку. Потом они поменялись. Оба приободрились и ощутили голод.

Вскоре к ним присоединился Хмур. Угрей он поймал немало и уже успел их разделать. Он подбросил дров в костёр, поставил на огонь котелок и закурил трубку. Квакли-бродякли курят странный, вязкий табак (говорят даже, что они подмешивают туда глину), и дети заметили, что дым из Хмуровой трубки не поднимается, а, наоборот, туманом стелется по земле. Он был такой

чёрный и едкий, что Юстэс закашлялся.

— Ну, эти угри будут тут вариться до скончания века, — сказал Хмур. — Перемрём с голоду, пока дождёмся. Я знал одну девочку... нет, лучше не рассказывать, вы расстроитесь, а этого я себе никогда не прощу. Поговорим лучше о ваших планах.

— Вы поможете нам найти принца Рилиана? — спросила Джил.

Квакль-бродякль так втянул щёки, что они соединились изнутри.

— Ну, смотря по тому, что вы называете помощью, — сказал он. — Полагаю, что действительно *помочь* едва ли кто-то может. Трезво рассуждая, далеко на север нам не продвинуться, особенно в это время года, поздней осенью. Да и зимой, пожалуй, не удастся. Но вы не огорчайтесь. Скорее всего нам будет не до погоды, столько врагов, всяких скал, рек, и с пути собьёмся, и голодать начнём, и ноги промочим… Словом, вряд ли мы чего-нибудь добьёмся, но забредём мы далеко.

Дети заметили, что он говорит «мы», а не «вы», и одновременно воскликнули:

— Значит, вы идёте с нами?

— Ну конечно. Чего уж там… Думаю, нам уже никогда не видать короля в Нарнии, раз он отправился в заморские страны, а у него, надо сказать, был ужасный кашель. И потом, Трам так быстро стареет. После этого ужасного засушливого лета урожай будет очень плохой, вот увидите. Не удивлюсь, если на нас нападут враги. Помяните мое слово.

— Откуда мы выйдем в путь? — спросил Юстэс.

— Ну, — медленно произнес квакль, — все, кто отправлялся за принцем, начинали от того самого ручья, где лорд Дриниан видел эту даму. Все они шли на север. Поскольку никто из них

не вернулся, трудно сказать, правильно ли они выбирали путь.

— У нас есть приметы, — вспомнила Джил. — Первым делом надо найти разрушенный город великанов. Так сказал Аслан.

— Найти? — переспросил Хмур. — Я бы сказал — *искать*.

— Конечно, конечно, — согласилась Джил. — А потом, когда мы найдём его…

— Вот именно — когда!.. — невесело сказал Хмур.

— А разве никто не знает, где он? — спросил Юстэс.

— Ну, за всех поручиться не могу, но я о нём не слыхал. Во всяком случае, не нужно идти от ручья. Нужно пересечь Этинсмур. Если где и есть этот город, он там. Правда, я ходил туда не дальше других и не видел никаких развалин, так что не хочу вводить вас в заблуждение.

— А где же Этинсмур? — спросил Юстэс.

— Посмотрите вон туда, на север, — сказал квакль, указывая трубкой. — Видите холмы и скалистые выступы? Начинается он там. Но перед ним еще река Шрибл. Мостов, конечно, нет.

— Перейдём вброд, — предложил Юстэс.

— Многие ее переходили… — мрачно вымол-

вил Хмур.

— Может быть, в Этинсмуре мы кого-нибудь встретим? — предположила Джил. — Нам покажут дорогу.

— Да уж, кое-кого встретим… — сказал Хмур.

— А кто там живёт? — спросила Джил.

— Не мне говорить, что они не совсем… м-м… в порядке. Может быть, вам они понравятся…

— Да кто они такие? — настаивала Джил. — В этой стране так много странных существ. Это птицы, звери или гномы?

Квакль-бродякль присвистнул.

— Разве вы не знаете? Я думал, совы вам рассказали. Они великаны.

Джил вздрогнула. Она никогда не любила великанов, даже в сказках. Один ей как-то приснился… Она взглянула на Юстэса (лицо у него позеленело) и подумала: «Кажется, он струсил ещё больше меня». Это прибавило ей храбрости.

— Давным-давно, когда мы вместе плавали, король говорил мне, — начал Юстэс, — что он разбил этих великанов и обязал их платить ему дань.

— Конечно, это так, — ответил Хмур. — Сейчас они с нами в мире. До тех пор, пока мы находимся на нашей стороне Шрибла, они не причинят

нам вреда. На их стороне, в Муре, тоже остаётся надежда. Если мы не будем к ним приближаться, и никто из них не выйдет из себя, и нас не увидят, то, вполне возможно, мы далеко продвинемся.

— Послушай, — воскликнул Юстэс, теряя терпение (это часто бывает с испуганными людьми). — Мне не верится, что все так плохо, как ты описываешь. Тут не больше правды, чем в жёстких постелях или в сырых дровах. Аслан не послал бы нас, если надежд так мало.

Он ожидал, что квакль рассердится, но тот сказал:

— Правильно, Юстэс. Так и держись. Только надо нам за собой следить, ведь придётся трудно. Ссориться нельзя. Во всяком случае, нельзя начинать с ссоры. Насколько мне известно, такие путешествия часто *кончаются* дракой. Мне-то все равно, но прежде нужно сделать дело. Все же чем дольше мы от них воздержимся…

— Ну, если всё так плохо, — прервал его Юстэс, — тебе лучше остаться. Мы с Джил пойдём одни. Правда, Джил?

— Не болтай глупости, — поспешила сказать Джил, испугавшись, что квакль поймает его на слове.

— Не волнуйся, Джил, — сказал Хмур. — Я

пойду, это уж точно. Я не хочу упускать такой возможности. Мне полезно путешествовать. Говорят — я имею в виду других бродяклей, — что я очень ветреный, несерьёзно отношусь к жизни. Сказали бы один раз, а то заладили: «Хмур, вечно ты валяешь дурака. Ты пойми, жизнь — это тебе не жареная лягушка и не пирог с угрями. Остепенись, тебе же лучше будет». Ну а идти на север в начале зимы, чтобы найти принца, которого нигде нет, в разрушенный город, которого никто не видел… Как раз то, что надо. Если уж это меня не остепенит, тогда я просто не знаю, что им нужно. — И он потёр свои лягушачьи ладони, как будто речь шла о гостях или о театре. — А теперь, — добавил он, — посмотрим, как там доходят угри.

Угри оказались превосходными, и дети дважды просили добавки. Сначала квакль-бродякль просто не поверил, что им действительно понравилось, а когда они всё съели, он сдался, но заметил, что у них, вероятно, расстроится желудок. «Что кваклю пища, человеку — яд…» — бормотал он. Потом они попили чаю из консервных банок (как рабочие, которые чинят дорогу), а Хмур неоднократно прикладывался к пузатой тёмной бутылке. Угостил он и детей, но

им напиток не понравился.

Остальная часть дня прошла в приготовлениях. Хмур, самый большой из всех, сказал, что он понесёт три одеяла, а внутрь засунет ветчину. Джил должна была нести оставшихся угрей, сухари, галеты и кремень с огнивом. Юстэс — оба плаща. Кроме того, он взял лук похуже (стрелять он научился тогда, в плавании), Хмур — лук получше, хотя и сказал, что из-за ветра, сырости, плохого освещения и замёрзших пальцев они вряд ли во что-нибудь попадут. У него и у Юстэса были мечи, а у Джил только нож. Она начала было спорить, но квакль потёр руки, приговаривая: «А-а, вот оно!.. Так, так… начинается…» — и дети тут же замолчали.

Все трое рано легли. На этот раз Юстэс и Джил действительно спали плохо, потому что Хмур, сказав: «Лучше бы как следует поспать, хотя я не думаю, что это нам удастся», разразился таким храпом, что, уснув наконец, Джил видела во сне машины, укатывающие асфальт, водопады и поезда, проносящиеся сквозь туннель.

Глава шестая
По пустынным северным местам

На следующее утро, часов в девять, три путника переходили реку по камням и мелководью. Это был неглубокий, шумный поток, и даже Джил промочила ноги только до колен, когда они выбрались на северный берег. Ярдов через сто дорога стала круче, и путники вышли на поросший вереском склон, довольно пологий, но всё же со

скалистыми уступами.

— Наверное, надо идти туда, — сказал Юстэс, указывая на запад, куда по неглубокому ущелью спускался поток. Но квакль покачал головой.

— Почти все великаны живут вдоль этого ущелья, — объяснил он. — Можно сказать, ущелье у них — главная улица. Пойдемте прямо, хотя тут и круто.

Они нашли место, где можно было взобраться на самый верх, и вскоре стояли там, тяжело дыша. Бросив прощальный взгляд на равнину, где лежала Нарния, они повернули на север. Поросшая вереском пустошь расстилалась перед ними, насколько хватает глаз. Слева виднелись камни, и Джил старалась туда не смотреть, опасаясь, что это — край великаньих владений.

Земля под ногами приятно пружинила, светило бледное солнце. Когда они зашли подальше, стало ещё пустынней, над головой кричали птицы, иногда пролетал ястреб. Часа через два они сделали привал у ручья. Джил почувствовала, что приключения ей нравятся, и сказала об этом.

— У нас их ещё не было, — ответил ей квакль.

Путь после привала — как школа после каникул или поезд после пересадки — непременно становится другим. Когда они пошли снова, Джил

заметила, что скалистая полоска к ним ближе, а сами скалы — острее и выше, совсем как башенки, и очень смешные.

«Наверное, — подумала она, — истории о великанах пошли от этих скал. Если идти здесь в сумерках, легко вообразить, что груда камней — это великан. Да вот хотя бы эта. Такая глыба вполне сошла бы за голову. Для обычного тела великовата, а для великана — в самый раз. Вереск и птичьи гнёзда сошли бы за волосы и бороду, эти штуки с боков — совсем как уши. Конечно, огромные, но у великанов они не меньше, чем у слонов. О-о-ой!..»

Кровь у нее похолодела. Камень двинулся. Это был настоящий великан. Она видела, как он повернул голову, и даже успела заметить глуповатое, толстощёкое лицо. Кругом были великаны, а не камни, штук сорок-пятьдесят, и все рядом. Ногами они упирались в дно ущелья, локти положили на край, совсем как люди, как лентяи, скажем, отдыхающие у изгороди погожим утром после завтрака.

— Шагайте прямо, — прошептал Хмур, тоже заметивший их. — И не бегите! Сейчас они погонятся за нами.

И они продолжали путь, делая вид, что не заме-

чают великанов. Так бывает, когда идешь мимо дома, где живет злая собака; нет, великаны куда хуже! Их было очень много. Они не казались ни злыми, ни добрыми, ни даже любопытными, словно бы и не видели путников.

Вдруг что-то тяжёлое пронеслось в воздухе, и огромный булыжник упал, расколовшись шагах в двадцати перед ними. И тут же — ещё один шагах в двадцати сзади.

— Они в нас кидают? — спросил Юстэс.

— Нет, — ответил Хмур. — Уж лучше бы в нас. Они метят вон в ту груду камней и, конечно, мажут. Меткостью они никогда не отличались, но забавляются так каждое погожее утро. Другие игры им не подходят, слишком сложны.

Идти было очень страшно. Казалось, цепь великанов никогда не кончится, не кончится и глупая игра. Камни теперь падали совсем близко. Да и одни эти лица и голоса испугали бы кого угодно. Джил старалась на них не смотреть.

Вскоре великаны затеяли ссору. Бросать камни они перестали, зато кричали и ругались длинными, бессмысленными словами. Они бесновались, трещали, прыгали (каждый прыжок сотрясал землю, как взрыв) и били друг друга по голове огромными каменными молотками, но черепа у

них были такие твёрдые, что молотки отскакивали. То и дело кто-нибудь гулко стонал и дул на ушибленные пальцы. Через час все великаны, изрядно покалечив друг друга, сели и стали плакать. Теперь головы оказались за краем ущелья, их уже не было видно, но Джил слышала стоны и всхлипывания, даже когда великаны остались далеко позади.

В ту ночь бивуак разбили на голом вересковом поле. Хмур показал детям, как нужно расстелить одеяла, чтобы сохранить тепло, и посоветовал им лечь спина к спине. Но было всё равно и холодно, и очень жёстко. Ещё он сказал, что они почувствуют себя лучше, если представят себе, насколько холоднее будет дальше, на севере. Но и это их не слишком согрело.

Они шли через Этинсмур много дней, стараясь пореже есть ветчину и питаясь птицами (конечно, не говорящими), которых удавалось подстрелить (Джил завидовала Юстэсу, ведь он научился стрелять у самого короля Каспиана). Воды хватало, здесь текло много ручьёв. Джил часто думала: когда читаешь, что люди питались только дичью, не знаешь, как трудно и неприятно ощипывать мёртвую птицу и как от этого мёрзнут пальцы. К счастью, великанов больше

не встретили. Нет, один им повстречался, но захохотал и потопал по своим делам.

Дней через десять пейзаж изменился. Подойдя, наконец, к северному краю равнины, путники увидели длинный крутой спуск в другую землю, еще мрачней этой. Внизу виднелись камни, а за ними — высокие горы, мрачные пропасти, каменистые долины и ущелья, столь глубокие и узкие, что взгляд не достигал дна. Конечно, именно Хмур указал на снежные вершины.

— Не сомневаюсь, — добавил он, — что дальше к северу снега ещё больше.

Спустившись вниз, они увидели, что под камнями бежит река. Текла она с запада на восток. Скалы на другом берегу были такими же отвесными, а сама река изобиловала порогами и водопадами. Вода была тёмно-зелёная, солнце сюда не проникало, и рёв её просто оглушал.

— Хорошо хоть, — сказал Хмур, — что мы сломаем шею раньше, чем утонем.

— А *это* что такое? — спросил Юстэс, показывая налево. Они посмотрели и увидели мост. И какой! Один пролёт соединял две высокие скалы, а высшая его точка поднималась над скалами, как собор над площадью.

— Наверное, это мост великанов! — сказала

Джил.

— Скорее, колдунов, — сказал Хмур. — В этих местах так и жди колдовства. Думаю, это ловушка. Наверное, мост превратится в туман и растает, едва мы доберёмся до середины.

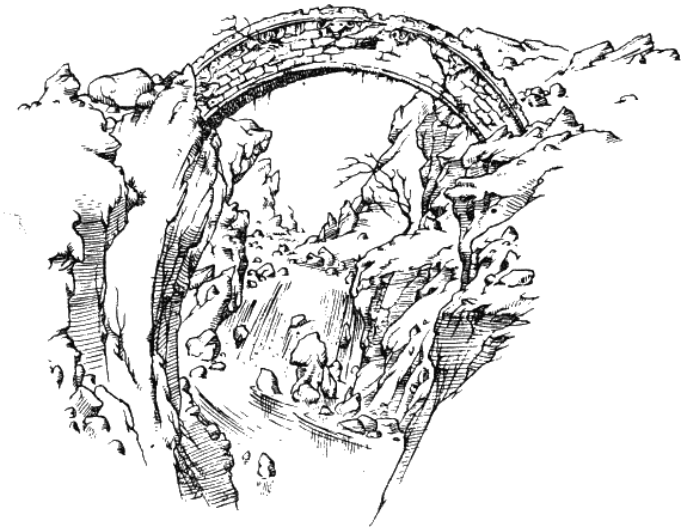
— Да не ной ты! — воскликнул Юстэс. — Мост как мост. Почему он должен исчезнуть?

— Неужели ты думаешь, что у тех великанов хватило бы ума построить такое? — спросил Хмур.

— Его могли построить какие-нибудь другие великаны, — сказала Джил. — Ну, те, что жили сотни лет назад и были умнее нынешних. Они построили и мост и город, который мы ищем. Тогда мы правильно идём: старый мост ведёт в старый город.

— Молодец, Джил! — сказал Юстэс. — Так оно и есть. Пошли.

И они направились к мосту. Когда они подошли к нему, он оказался вполне крепким. Многие камни крошились, но когда-то их обтесали прекрасные мастера. Перила некогда украшала дивная резьба, и кое-что сохранилось — гиганты, минотавры, чудища о сотне ног, страшные божества. Хмур все еще не доверял мосту, но согласился перейти по нему.



Подниматься на вершину арки было нелегко. Во многих местах камни вывалились, образовав страшные дыры, сквозь которые далеко внизу виднелась ревущая река. Под мостом летал орёл. Чем выше они взбирались, тем холоднее становилось. Дул такой сильный ветер, что труден был каждый шаг и казалось, что мост качается.

Добравшись до вершины арки, они заметили что-то вроде старой дороги, уходящей от моста в глубь гор. Дорога была плохо вымощена и вся поросла травою. Однако по ней навстречу им дви-

гались верхом два вполне нормальных человека.

— Ну-ка, поспешим к ним, — сказал Хмур. — В таком месте трудно знать наперёд, врага встретишь или друга, но мы не должны показать им, что боимся.

К тому времени, когда они сходили с моста, незнакомцы оказались совсем близко. Один из них был рыцарь в полном вооружении, с опущенным забралом; и латы его, и конь были черны. Ни герба на щите, ни флажка на копье не было. Рядом с рыцарем ехала дама на белой лошади, такой красивой, что хотелось поцеловать её в нос и дать ей сахару. Но сама дама в развевающихся зелёных одеждах была еще красивей.

— Здравствуйте, пу-у-утники! — воскликнула она нежным, как пение птицы, голосом. — Двое из вас слишком молоды для таких мрачных мест.

— Может быть, может быть, — сухо и настороженно отозвался Хмур.

— Мы ищем разрушенный город великанов, — сказала Джил.

— Разрушенный город? — переспросила дама. — Что за странная цель! А на что он вам?

— Нам нужно… — начала Джил, но Хмур прервал её:

— Извините, мадам, мы не знаем ни вас, ни

вашего спутника — кстати сказать, он у вас неразговорчив — и вы нас не знаете. Лучше нам не обсуждать своих дел, если не возражаете. Как вы думаете, будет дождь?

Дама рассмеялась нежным, журчащим смехом.

— Ну что ж, дети, — сказала она, — у вас мудрый и опытный вожак. Мне нравится, что он так скрытен, но и я могу дать вам совет. Мне доводилось слышать о разрушенном городе, хотя никто не рассказывал мне, какой путь туда ведёт. Эта дорога — в замок Харфанг, где живут добрые великаны. Они так же любезны и обходительны, как глупы и жестоки великаны Этинсмура. В Харфанге вам скажут или не скажут, как попасть в старый город. Одно вам обещаю точно — добрый приём и весёлых хозяев. Разумнее всего перезимовать там или хотя бы отдохнуть несколько дней. Вас ждут горячие ванны, мягкие постели и добрые сердца. А кормить вас будут четырежды в день и жареным, и печёным, и сладким.

— Вот это да! — воскликнул Юстэс. — Подумать только — снова спать в кровати!..

— И принять ванну, — добавила Джил. — Вы думаете, они предложат нам остаться? Мы ведь незнакомы…

— Вы только скажите им, что дама в зелёном

шлет привет и посылает милых южных деток к осеннему празднику.

— Спасибо вам! — ответили Джил и Юстэс. — Большое спасибо!

— Постарайтесь попасть туда к вечеру, — сказала дама. — Они рано закрывают ворота и не откроют, как бы громко вы ни стучали.

Дети снова поблагодарили её. Глаза их сияли. Дама помахала им на прощание. Квакль снял шляпу и сухо поклонился. Молчаливый рыцарь и дама поскакали к мосту; кони их громко цокали копытами.

— Ну, — сказал Хмур, — хотел бы я знать, куда она едет. Откуда бы ей взяться в таких местах? Решительно, это не к добру!

— Ерунда, — сказал Юстэс. — По-моему, она просто высший сорт! И подумайте, мы хорошо поедим, будем спать в тёплой комнате… Надеюсь, до Харфанга уже недалеко.

— А какое у неё платье! — сказала Джил. — А лошадь!

— Всё равно, — упорствовал Хмур, — хотелось бы знать, кто она такая.

— Я и сама хотела расспросить её, — сказала Джил, — но как я могла, когда ты отказался рассказать о нас?

— Да, — сказал Юстэс. — Почему ты так сухо держался? Они тебе не понравились?

— Они? — переспросил квакль. — Кто это — они? Я видел только эту вашу даму.

— А рыцаря ты разве не видел? — удивилась Джил.

— Я видел латы, меч и копьё, — ответил Хмур. — Почему он молчал?

— Мне кажется, он стеснялся, — сказала Джил. — А может, ему хочется смотреть только на неё и слушать её голос. Я бы сама на его месте…

— Интересно, — сказал Хмур, — что бы мы увидели, если бы подняли забрало шлема и заглянули внутрь?

— Да брось ты! — крикнул Юстэс. — Что там может быть, кроме человека?

— Скелет, — усмехнулся квакль. — Или, — задумчиво прибавил он, — вообще ничего. То есть ничего такого, что мы можем увидеть.

— Ну и мысли у тебя, Хмур, — сказала Джил. — Как они тебе только в голову приходят?!

— Да ну его с его мыслями! — рассердился Юстэс. — Он всегда каркает и всегда не прав. Подумай лучше про добрых великанов. Хотел бы я знать, сколько ещё до Харфанга.

Разговор этот чуть не стал первой из ссор,

предсказанных кваклем. Конечно, они и раньше спорили, но сейчас впервые рассердились по-настоящему. Хмур вообще не хотел идти в Харфанг. Он сказал, что ему неизвестно, какой смысл вкладывают великаны в слово «добрый». Во всяком случае, Аслан ничего не говорил о визите к каким бы то ни было великанам. Дети уже устали от ветра и дождя, костлявой дичи, зажаренной на костре, твёрдой холодной земли вместо кровати и просто до смерти хотели к добрым великанам. В конце концов Хмур согласился при одном условии: они без его согласия не скажут великанам ни слова о Нарнии и о поисках принца. Дети пообещали, и все двинулись дальше.

После встречи с дамой дела пошли хуже. Во-первых, идти было трудней: дорога вела через нескончаемую долину, пронзительный северный ветер дул прямо в лицо, и не было укромного местечка, чтобы сделать привал. Земля под ногами стала каменистой, от непрестанной ходьбы болели ноги, а ночью — и всё тело.

Во-вторых, что бы ни говорила дама, на детей это в конечном счете повлияло плохо. Они ни о чем не могли думать, кроме кроватей, ванн, горячей еды и крыши над головой. Об Аслане они не упоминали, о принце Рилиане — тоже.

Джил перестала повторять знаки каждый вечер и каждое утро. Сначала она говорила себе, что слишком устала, а потом и совсем забыла о них. Казалось бы, можно было ожидать, что мысль о Харфанге приведёт детей в лучшее расположение духа, но они стали больше думать о себе, чаще раздражались и то и дело огрызались друг на друга и на Хмура.

Наконец ущелье, по которому они шли, расширилось, и по обеим сторонам показались мрачные леса. Перед путниками лежала каменистая равнина, а за ней, ещё дальше, горы в снегу. Между этими горами и другими, дальними, возвышался холм с неровной, но плоской вершиной.

— Смотрите! — воскликнула Джил, показывая вперёд, и в сгущавшихся сумерках, над плоским холмом, все увидели огни. Не луну, не костёр, а радостный ряд освещённых окон. Если вы никогда не шли неделями через пустынные места, вы не поймёте, что почувствовали путники.

— Харфанг! — весело закричали Юстэс и Джил.

— Харфанг, — мрачно повторил Хмур, но тут же воскликнул: — Эй, дикие гуси! — и мигом снял лук с плеча и подстрелил жирную птицу. Конечно, они не успели бы добраться до Харфанга в тот же день. Но у них была горячая еда, и ночь каза-

лась теплее, чем обычно. Правда, когда костёр потух, она опять стала холодной, и, проснувшись наутро, они обнаружили, что одеяла покрылись инеем.

— Ничего! — сказала Джил, притопывая ногами. — Сегодня мы примем ванну!

Глава седьмая
Холм со странными рвами

Спору нет, день был отвратительный. Сверху нависло небо, обложенное снеговыми тучами, внизу трещал мороз, дул сильный, пронизывающий до костей ветер. Старая дорога за мостом была сильно разрушена. Путники шли по огромным камням, пересыпанным галькой, а это очень тяжело для натруженных ног. Но как бы они ни устали, как ни прихрамывали, остановиться они не могли, было слишком холодно.

Часов в десять первые хлопья снега упали

Джил на руку. Через несколько минут они уже падали густо. Через четверть часа земля заметно побелела, а через полчаса начался настоящий снегопад. Снег летел им в глаза, они почти ничего не видели (это надо отметить, чтобы понять всё последующее). Вскоре невысокая гора скрыла от них огни в замке. То и дело протирая глаза, путники видели лишь на несколько шагов вперёд. Нечего и говорить, что им было не до разговоров.

Добравшись до подножия горы, они заметили какие-то скалы — кубические, если приглядеться, но никто приглядеться не мог. Сил хватило только на то, чтобы взобраться на ближайший уступ, преграждавший им путь. Он был не больше ярда высотой. Длинноногий квакль без труда вспрыгнул на него и помог остальным. Для них это было непросто, на уступе лежал довольно глубокий снег. За первым уступом, шагов через пятьдесят, возвышался ещё один. Всего их оказалось четыре, и шли они через неравные промежутки.

Карабкаясь на четвёртый, путники были уверены, что теперь-то находятся на вершине. До сих пор склон хоть в какой-то степени укрывал их, теперь ветер дул со всех сторон. Как ни странно, гора была такой же плоской, какой казалась издали. Во многих местах снег едва припорошил

камни, ибо ветер поднимал его и бросал им в лицо. Внизу тоже кружились снежные вихри, и ноги скользили, как по льду. В довершение бед гору перерезали и пересекали какие-то выступы, разделяя ее на неравные прямоугольники. С северной стороны этих выступов намело много снегу, и, перелезая через них, все промокли.

Борясь с ветром, Джил надвинула на лоб капюшон и опустила голову. Пальцы у неё окоченели. Она замечала всякие странные вещи: справа высились глыбы вроде заводских труб, слева шёл неестественно ровный утёс. Но ей было всё равно, и она об этом не думала. Думала она о замёрзших пальцах (и носе, и щеках, и ушах), горячей воде и мягкой постели.

Внезапно она поскользнулась, проехала футов пять и с ужасом обнаружила, что скатывается в узкую трещину, неожиданно возникшую перед ней. Это была не то траншея, не то шахта фута в три шириной. Несмотря на встряску, Джил почувствовала облегчение: здесь не было ветра. Затем она увидела встревоженные лица Юстэса и Хмура, склонившиеся над краем траншеи.

— Ты не ушиблась, Джил? — крикнул Юстэс.

— Наверное, сломала обе ноги! — крикнул Хмур. Джил встала и сказала, что всё в порядке,

но ей самой не выбраться наверх.

— А куда это ты свалилась? — поинтересовался Юстэс.

— Это окоп какой-то или осевшая тропа, — ответила Джил. — Она довольно прямая.

— Ну и дела! — воскликнул Юстэс. — Она идет прямо на север! А может, это дорога? Тогда мы могли бы укрыться от этого чёртова ветра. Много там снегу?

— Почти нет. Наверное, он через неё перелетает.

— А что там дальше?

— Подожди, сейчас посмотрю, — ответила Джил и пошла вдоль траншеи. Далеко она не продвинулась: траншея резко свернула направо, и она крикнула об этом своим спутникам.

— А что за углом? — спросил Юстэс.

Джил показалось, что там какие-то извилистые ходы и тёмные отверстия пещер. Одной поворачивать за угол ей совсем не хотелось, особенно когда Хмур прокричал сзади:

— Осторожней, Джил! Такие канавы часто ведут в пещеру дракона. У великанов тут могут жить гигантские черви или жуки.

— Кажется, эта дорога недалеко уходит, — сказала Джил, быстро возвращаясь назад.

— Мне хочется самому взглянуть, — сказал Юстэс. — И вообще, что значит «недалеко»?

Он сел на край траншеи и скатился вниз. (Все уже так промокли, что промокнуть больше не боялись.) Джил он просто отодвинул. Хотя он ничего не сказал, она поняла, что Юстэс заметил, как она струсила, и пошла за ним, стараясь не забегать вперёд. Поиски ни к чему не привели. Джил и Юстэс прошли немного вперёд, повернули направо, потом снова повернули, уже налево, и через несколько шагов опять обнаружили поворот направо. Скоро они оказались в тупике.

— Нет, толку не будет, — проворчал Юстэс, а Джил, не теряя времени, отправилась назад. Когда они вернулись, квакль без труда выудил их наверх своими длинными руками.

Наверху было ещё хуже. В траншее уши у них начали оттаивать, они могли ясно видеть, легко дышать и говорить спокойно, не стараясь перекричать ветер. Тем труднее им было возвращаться на этот зверский холод, а тут еще Хмур как раз спросил:

— Ты твёрдо помнишь знаки? Какому надо следовать теперь?

— Да ну их, эти знаки, — заворчала Джил. — Кажется, кто-то что-то попросит ради Аслана. Не

буду я их здесь вспоминать.

Как видите, она спутала порядок знаков, и всё потому, что перестала повторять их каждый вечер. Она, конечно, еще знала их и вспомнила бы, если бы потрудилась, но машинально припомнить уже не могла. Вопрос Хмура разозлил ее, ибо она и сама сердилась на себя за то, что не помнила как следует уроков Аслана. Недовольство, муки холода и усталость побудили её ответить: «Да ну их, эти знаки», — в глубине души она так не думала.

— Разве этот знак следующий? — удивился Хмур. — Вроде нет… Ты перепутала. Мне кажется, на этом плато надо осмотреться. Вы заметили…

— О чёрт! — завопил Юстэс. — Нашёл время любоваться видами! Ради всего святого, пошли дальше!

— Ой, смотрите! — воскликнула Джил.

Все повернулись и увидели, что на севере, много выше, появились огни. Ещё отчётливее, чем в прошлый вечер, было видно, что это свет в окнах — в маленьких окнах, наводивших на мысль об уютных комнатах, и в окнах побольше, наводивших на мысль о залах, где гудит огонь в очаге, а на столе стоит горячий суп или вкусное жаркое.

— Харфанг! — воскликнул Юстэс.

— Всё это хорошо, — продолжал Хмур, — но я хотел сказать…

— Да замолчи ты! — оборвала его Джил. — Нельзя терять ни секунды. Разве ты не помнишь, что сказала дама? Они рано запирают. Надо успеть, неужели не понимаешь?! Мы погибнем без крова в такую ночь.

— Ну, ещё не ночь… — начал Хмур. Но дети хором сказали:

— Идём, — и заковыляли по скользкому плато так быстро, как только могли.

Квакль брёл за ними, что-то бормоча, но сейчас, когда дети боролись с ветром, они не услышали бы его, если бы и хотели. А они и не хотели, ибо только и думали о ваннах, постелях и горячем чае и очень боялись опоздать в Харфанг.

Несмотря на спешку, шли они долго. Когда же они наконец пересекли плато, им снова встретились уступы, по которым пришлось спуститься. В конце концов они добрались до самого низа и увидели Харфанг.

Он стоял на высокой скале и, несмотря на многочисленные башни, больше походил на огромный дом, чем на замок. Очевидно, любезные великаны не боялись нападений. Окна были совсем близко от земли — а этого не бывает ни

в одной мало-мальски путной крепости. Там и сям виднелись какие-то дверцы, так что войти и выйти из замка можно было и не через ворота. Дети приободрились. Само это место показалось им приветливым, а не страшным.

Сперва взбираться вверх было трудно, потом они нашли слева путь полегче, но всё равно лезли с трудом, особенно после такого дня, и Джил чуть не отказалась идти дальше. Последние шагов сто Юстэс и Хмур почти тащили её. Наконец они очутились перед воротами, те были открыты, а решётка поднята.

Как бы ты ни устал, не так уж легко входить в замок великанов. Несмотря на свое недоверие к Харфангу, Хмур выказал наибольшую храбрость.

— Ну, твёрже шаг! — сказал он. — Не показывайте, что вам страшно. Самое глупое, что мы вообще пришли сюда. Но раз уж мы здесь, глядите посмелее.

С этими словами он шагнул к воротам, встал под аркой так, чтобы эхо усиливало его голос, и громко крикнул:

— Эй, привратник! Принимай гостей! — Ожидая, пока что-нибудь произойдёт, он снял шляпу и стряхнул с полей целый сугроб.

— Знаешь, — прошептал Юстэс, — он, может, и

зануда, но в смелости ему не откажешь.

Отворилась дверь, мелькнул весёлый свет очага, и появился привратник. Джил закусила губу, чтобы не закричать. Великан был не такой уж большой — повыше яблони, пониже телеграфного столба. У него были косматые рыжие волосы, кожаный камзол с множеством металлических застёжек, так что получалось что-то вроде кольчуги, и какие-то краги на голых ногах (колени были волосатые). Он наклонился и вытаращил глаза на Хмура.

— Это кто же такой? — спросил он.

Джил собрала всё своё мужество.

— Простите! — прокричала она вверх. — Дама в зелёном приветствует вашего короля и посылает нас и этого квакля — его зовут Хмур — на ваш осенний праздник. Если вы не возражаете, — добавила она.

— Ого! — проговорил привратник. — Тогда другое дело. Входите, малявки, входите! Идите в дом, а я пока доложу его величеству. — Он с любопытством посмотрел на детей. — Смотрите-ка, они синекожие! Вот не знал. Ну да мне всё равно. Наверное, себе вы нравитесь. Недаром говорится, жучок жучка хвалит.

— Мы посинели от холода, — объяснила

Джил. — Вообще-то мы другого цвета.

— Тогда идите грейтесь, — пригласил привратник, и они последовали за ним. Было очень страшно, когда сзади закрылась огромная дверь, но они тотчас забыли об этом, едва вошли в комнату и увидели то, о чем мечтали со вчерашнего вечера, — огонь! Четыре или пять деревьев пылали разом, и подойти к очагу ближе чем на несколько ярдов они не могли. Дети опустились на тёплый пол и облегчённо вздохнули.

— А ты, юноша, — приказал привратник другому великану, сидевшему в глубине комнаты и таращившему глаза на пришельцев, — беги в дом, неси весть. — И он повторил то, что ему сказала Джил. Взглянув на них в последний раз, молодой великан громко фыркнул и вышел из комнаты.

— Ну а тебе, лягушонок, — обратился привратник к Хмуру, — неплохо бы взбодриться. — Он достал тёмную бутыль, почти такую же, как у Хмура, но в двадцать раз больше. — Вот что, стакана я тебе не дам, ты в нем ещё утонешь. Пожалуй, с тебя и солонки хватит.

Солонка была уже, чем у нас, с высокими краями, и оказалась прекрасным кубком для квакля. Дети думали, что он откажется пить из недоверия

к великанам, но он проворчал:

— Поздно думать о предосторожностях, когда мы уже здесь, дверь захлопнулась, — и понюхал напиток. — Пахнет приятно, — сказал он, — но лучше проверить. — И он сделал глоток. — Неплохо. Но, может быть, только сначала? Интересно, как пойдёт дальше? — Хмур глотнул ещё. — Надо же, — воскликнул он, — всё так же вкусно! Наверное, самая гадость на дне. — И он осушил солонку. Облизав губы, он заметил: — Это я пробую, дети. Если я сморщусь, взорвусь или превращусь в ящерицу, вы поймёте, что тут ничего нельзя ни пить, ни есть.

Великан, стоявший слишком далеко, чтобы его слышать, расхохотался:

— Ну, лягушонок, ты и хват! Посмотрите только, как выдул!

— Я не хват, а Хмур, — нетвёрдым голосом возразил бродякль. — И не лягушонок, а квакль.

Тут дверь отворилась и вошёл молодой великан.

— Вас просят в тронный зал, — сказал он.

Дети поднялись, а Хмур остался сидеть, бормоча:

— Квакль, квакль. Весьма уважаемый квакль. Уважакль.

— Покажи им дорогу, юноша, — сказал привратник. — Лягушонка тебе лучше отнести. Он немного перебрал.

— Ничего подобного, — сказал Хмур. — И я не лягушонок. Никаких лягушат! Я уважаемый кважакль.

Но молодой великан схватил его за пояс и дал детям знак следовать за ним. В таком не слишком достойном виде они пересекли двор. Квакль, брыкавшийся в руках великана, и впрямь походил на лягушку, но у детей не было времени об этом думать. Они быстро вошли в главную дверь — у обоих сильно билось сердце, — миновали несколько коридоров, едва поспевая за великаном, и оказались в огромном, ярко освещённом зале. Огонь пылал в светильниках и в очаге, бросая блики на позолоту потолка и карнизов. Слева и справа стояли великаны в богатых одеждах. На огромных тронах сидели два самых больших — король и королева.

Шагах в двадцати от трона дети остановились. Они поклонились (очень неловко, в экспериментальной школе манерам не учат), а молодой великан осторожно положил Хмура, и тот сел на

полу, растопырив руки и ноги. Сказать по правде, на лягушку он был очень похож.

Глава восьмая
В Харфангском замке

— Ну, Джил, говори, — прошептал Юстэс.

Но Джил говорить не могла. Она не сказала ни слова и сердито кивнула Юстэсу, чтобы начинал он.

Подумав, что он никогда не простит ни её, ни Хмура, Юстэс облизал сухие губы и прокричал:

— С позволения вашего величества, дама в зелёном приветствует вас. Она сказала, что вам будет приятно, если мы придём на ваш осенний праздник.

Король и королева переглянулись, кивнули друг другу и довольно противно улыбнулись. Король — с кудрявой бородой и орлиным носом — понравился Джил больше, для великана он был совсем недурён, у королевы же, ужасно толстой, было полное напудренное лицо с двойным подбородком, что и само по себе некрасиво, а уж тем более — когда увеличено в десять раз. Король почему-то облизнулся. Конечно, это каждый может сделать, но у него язык был такой большой и красный, что Джил даже вздрогнула.

— Какие хорошие детки! — сказала королева. («А может, она тоже ничего», — подумала Джил.)

— Да, просто превосходные! — сказал король. — Добро пожаловать. Дайте мне ваши ручки.

Он протянул огромную руку, очень чистую, с множеством колец и жуткими острыми ногтями. Пожать ладони ему не удалось, и он пожал им локти.

— А что *это*? — спросил король, указывая на Хмура.

— Уважако-квакль, — ответил Хмур.

— Ой! — завопила королева, подбирая юбки. — Чудовище! Оно живое!

— Да он славный, ваше величество, — торопливо заговорил Юстэс. — Он вам понравится, честное слово!

Надеюсь, вы не утратите интереса к Джил, если я скажу, что тут она заплакала. Извинить её можно. Руки, уши и нос у неё только-только оттаяли, вода текла с неё, ноги болели, она с утра не ела.

Во всяком случае, слёзы оказались очень кстати — королева сказала:

— Ах, бедняжка! Друг мой, почему наши гости стоят? Эй вы, там! Накормить, напоить, выкупать. Девчушку утешить. Дайте ей леденцов, кукол, капель, чего хочет — печенья, копченья, соленья, варенья и что там у вас есть. Не плачь, милочка, а то ты никуда не будешь годиться к пиру.

Джил — как и вы и я — рассердилась при упоминании о куклах; и хотя конфеты неплохи в своем роде, ей больше понравилось про копченья. Однако нелепая речь королевы имела прекрасные последствия: Хмура и Юстэса подхватил великан-лакей, Джил — фрейлина-великанша, и унесли их в комнаты.

Комната Джил, размером с церковь, казалась бы мрачной, если бы не яркое пламя в камине и не толстый малиновый ковёр на полу. И тут начались радости. К Джил отрядили королевскую кормилицу. С великаньей точки зрения, это была согбенная старушка, а с человеческой — великанша, достаточно маленькая, чтобы войти в обычную комнату и не удариться головой о потолок. Она была очень заботлива, только Джил предпочла бы, чтобы она поменьше причмокивала и восклицала: «Уй-ю-юй, какой цветочек!», или

«Ах ты, бедненькая!», или «Вот мы и молодцы!» Она наполнила великанью ножную ванночку горячей водой и помогла Джил в неё залезть. Если вы умеете плавать, как Джил, такая ванна вам бы понравилась. И великаньи полотенца очень хороши: они довольно грубые и колючие, но конца им нет, и вытираться не нужно, просто укутайся и стой перед огнём. Потом Джил одели во всё чистое и тёплое. Платье было просто великолепно, только чуточку великовато, хотя и сшито для людей. «Если дама в зелёном приезжает сюда, они привыкли к таким гостям», — подумала Джил.

Вскоре догадка её подтвердилась, потому что стол, стулья и посуда были обычных размеров. Как нравилось ей сидеть наконец в тепле и чистоте! На обед подали луковый суп, жареную индейку, горячий пудинг, орехи и очень много фруктов. Вот только няня без конца входила и выходила, принося с собой какую-нибудь великанью игрушку — куклу больше самой Джил, деревянную лошадку величиной со слона, барабан, похожий на пустую цистерну, мохнатого ягнёнка. Они были грубо сделаны, выкрашены яркой краской, и Джил не хотелось на них смотреть. Она так няне и сказала, но та ответила:

— Ну-ну-ну! Очень даже захочешь, когда ля-

жешь баиньки. Уж ты мне поверь, тю-тю-тю! Баиньки, баиньки… Ах ты, ласточка!

Кровать была не великаньей, но огромной, как в старинных гостиницах, и Джил с удовольствием легла.

— А снег ещё идёт, няня? — сонно спросила она.

— Нет, лапочка, теперь идёт дождь, — ответила великанша. — Дождик смоет гадкий снег, и наша куколка погуляет утром во дворе! — Она подоткнула одеяло и пожелала Джил спокойной

ночи.

Нет ничего противнее поцелуя великанши. Так подумала и Джил, но заснула через пять минут.

Дождь лил весь вечер и всю ночь, стуча в окно замка, но Джил ничего не слышала, она спала крепко. В самый тихий час ночи, когда в великаньем доме всё замерло, ей приснилось, что она просыпается в той же комнате и видит огонь, а в его свете — огромного деревянного коня; он двигается сам собой по ковру и останавливается у её изголовья и вдруг превращается в Льва, не игрушечного, а настоящего, того самого, которого она видела на горе, за краем света. Благоухание наполнило комнату, но Джил было как-то не по себе, хотя она не понимала отчего, и слёзы полились по её лицу, прямо на подушку.

Лев сказал, чтобы она повторила знаки, а она не смогла и очень испугалась. Аслан взял её губами (да, да, не зубами), поднёс к окну, и ей пришлось посмотреть. Луна ярко светила, по небу огромными буквами было написано: ПОДО МНОЙ. И сон рассеялся. Проснувшись на следующее утро, она ничего не помнила.

Джил встала, оделась и уже кончала завтрак у камина, когда вошла няня и сказала:

— А вот и наши друзья пришли с нами поиг-

рать.

В комнату вошли Юстэс и Хмур.

— Доброе утро! — воскликнула Джил. — Вот здорово! Я проспала часов пятнадцать, и мне совсем хорошо. А вы как?

— Я-то неплохо, — ответил Юстэс, — а у Хмура голова болела. Ух ты, у тебя подоконник есть! Можно взобраться и посмотреть.

Так они и сделали. Но едва взглянув, Джил воскликнула:

— Какой ужас!

Светило солнце, снег почти полностью смыло дождём. Внизу, как карта на столе, лежала плоская вершина, на которую они мучительно взбирались весь вчерашний день. Теперь отсюда было видно, что это *великаний* город. Стоявшие вкривь и вкось глыбы были остатками гигантских зданий, дворцов и даже храмов. Вчера Джил приняла за скалу кусок стены футов в пятьсот высотой. Фабричные трубы оказались огромными полуразрушенными колоннами; уступы, с которых путешественники спускались на северном склоне и поднимались на южном, — обломками гигантских ступеней. А в довершение всего в центре виднелись огромные тёмные буквы, начертанные на камнях: ПОДО МНОЙ.

Трое путешественников в смятении взглянули друг на друга, и Юстэс сказал то, что каждый из них подумал:

— Второй и третий знак мы тоже проворонили. — И тут Джил вспомнила свой сон.

— Это я виновата, — в отчаянии проговорила она. — Я… я перестала повторять знаки каждый вечер. Если бы я думала о них, я рассмотрела бы, что это город, даже сквозь снег.

— Моя вина ещё больше, — сказал Хмур. — Ведь я его рассмотрел. Мне казалось, что это очень похоже на разрушенный город.

— Ты — единственный, кого нельзя винить! — воскликнул Юстэс. — Ты же пытался нас остановить.

— Значит, плохо пытался, — сказал Хмур. — Да что там, надо было схватить вас. Тебя — правой рукой, тебя — левой.

— Если по правде, — сказал Юстэс, — мы очень уж хотели попасть сюда. По крайней мере, я. С тех пор как встретили даму с немым рыцарем, мы уже ни о чём другом не думали. Мы почти забыли о принце Рилиане.

— Не удивлюсь, если именно этого она и хотела, — сказал Хмур.

— Почему же мы не видели букв? — удивилась

Джил. — Может быть, они появились только прошлой ночью? Может быть, это Аслан начертал их? У меня был такой странный сон.

И она рассказала его.

— Ну и дураки же мы! — воскликнул Юстэс. — Мы видели буквы, мы были в них. Не понимаешь? Мы были в букве «М». Мы прошли по левой палочке на север, повернули направо, потом из угла повернули опять, потом ещё раз и пошли на юг. Вот дураки! — И он стукнул по подоконнику. — Я знаю, Джил, что ты думаешь. Я и сам так думал. Ты думаешь, как было бы хорошо, если бы Аслан начертал эти буквы уже после того, как мы прошли их. Тогда виноват был бы он, не мы. Правильно, а? Нет уж. Сами виноваты. Нам дали всего четыре знака, и первые три мы прошляпили.

— Ты хочешь сказать, я прошляпила, — сказала Джил. — Конечно, это я всё порчу с самого начала. Мне очень стыдно, но всё же — что значит «ПОДО МНОЙ»? Чепуха какая-то…

— Нет, не чепуха, — возразил Хмур. — Это значит, что принца надо искать внизу, под городом.

— А как? — удивилась Джил.

— В том-то и вопрос, — сказал Хмур. — Если бы там, в разрушенном городе, мы думали о деле,

мы увидели бы дверцу, пещеру, туннель или встретили бы кого-нибудь. Может быть, даже Аслана. Мы бы пробрались под эти глыбы так или иначе. Аслан никогда не скажет зря. Как же нам быть сейчас?

— Я думаю, надо вернуться, — предложила Джил.

— Легко сказать! Начнём с того, что нужно открыть дверь. — И они посмотрели на дверь и увидели, что никому не дотянуться до ручки, а если кто и дотянется — не повернуть.

— Вы думаете, нас не выпустят, если мы попросим? — спросила Джил. Никто ей не ответил, но каждый подумал: «Скорей всего, нет».

Мысль эта была не из приятных. Хмур ни за что не хотел говорить великанам, куда они идут, и просить у них свободы; а дети, конечно, ничего не могли делать без его согласия. Все трое были уверены, что и ночью убежать не удастся. Раз они заперты в своих комнатах, они в плену до утра. Конечно, можно попросить, чтобы двери не запирали, но это возбудит подозрения.

— Остаётся одно — сбежать днём, — сказал Юстэс. — Может быть, они ложатся соснуть после обеда? Проберёмся тогда на кухню — чёрный ход, наверное, открыт.

— Вряд ли это получится, — сказал Хмур, — но попробовать стоит.

Вообще-то план был не совсем безнадёжен. Если вам нужно выйти из дома незаметно, полдень — лучше, чем полночь. Двери и окна скорее всего открыты. А если вас поймают, всегда можно притвориться, что вы никуда и не собирались, просто бродили. (Ни великаны, ни взрослые не поверят этому в первом часу ночи.)

— Нужно как-то обмануть их, — сказал Юстэс. — Ну, притвориться, что нам здесь очень хорошо и мы просто мечтаем об осеннем празднике.

— Он будет завтра вечером, — сказал Хмур. — Я слышал, они говорили.

— Да, да, — сказала Джил. — Сделаем вид, что нам очень интересно, и будем их всё время спрашивать. Они думают, мы детки, и это нам на руку.

— Веселиться, — глубоко вздохнул Хмур, — вот что нужно, веселиться. Как будто у нас нет никаких забот. Резвиться, да. Вы оба не всегда на высоте, я заметил. Смотрите на меня и подражайте. Уж я-то им повеселюсь! — Он криво ухмыльнулся. — И порезвлюсь. — Тут он скорчился и подпрыгнул. — Они и так думают, что я какой-то шут. Боюсь, и вы оба решили, что вчера

я подвыпил, но всё это — ну, почти всё — нарочно. Может пригодиться.

Позже, вспоминая свои приключения, Джил и Юстэс никак не могли понять, правда ли было так; но они верили, что сам Хмур в это верил.

— Ладно, веселиться так веселиться, — согласился Юстэс. В этот момент дверь открылась и няня-великанша торопливо проговорила:

— Ну, детишки, хотите посмотреть, как король и придворные поедут на охоту? Ах и красота!..

Не теряя времени, они бросились мимо неё вниз по ступеням. До них доносились лай собак, звуки горнов, голоса великанов. Через несколько минут они очутились во дворе. Все великаны охотились пешими, потому что огромных коней здесь не было. Собаки тоже были, как у нас. Джил подумала, что толстой королеве никогда не угнаться за гончими и она останется дома, но

увидела, что её несут на носилках шестеро молодых великанов. Нелепая толстуха была одета во все зелёное, на боку у нее висел рожок. Великанов двадцать-тридцать, во главе с королём, говорили и смеялись так, что можно было оглохнуть; а внизу, на уровне самой Джил, толпились и лаяли собаки, тычась ей в руку носами. Хмур начал было веселиться (что испортило бы всю затею), когда Джил, изобразив самую очаровательную детскую улыбку, бросилась к королевским носилкам и закричала:

— Ой, вы не уезжаете? Вы вернётесь?

— Да, дорогая моя, — ответила королева. — Я вернусь к вечеру.

— Вот хорошо! — обрадовалась Джил. — А можно прийти на завтрашний праздник? Нам так хочется! Нам здесь так нравится! А пока вы охотитесь, можно мы побегаем по замку и всё посмотрим? Можно, да?

Королева кивнула и что-то сказала, но смех придворных заглушил её слова.

Глава девятая
О том, как наши герои узнали кое-что важное

Позднее все согласились, что Джил была в тот день просто в ударе. Как только король со свитой отправились на охоту, она стала бегать по всему

замку и задавать вопросы в таком невинном детском духе, что никто ничего не заподозрил. Хотя язычок её ни на минуту не умолкал, она не говорила — она лепетала, хихикала, любезничала со служанками, фрейлинами и старыми великанами, у которых дни охотничьих забав были уже позади. Она сносила поцелуи и ласки многочисленных великанш, называвших ее бедняжкой, не объясняя, правда, почему. Особенно она подружилась с поваром и узнала очень важную вещь: на кухне был чёрный ход, через который можно выбраться из замка, минуя двор и гигантские ворота. На кухне она притворилась страшно голодной и съела все поджарочки, которые удалось наскрести обрадованным кухаркам. Наверху, среди дам, она спрашивала, как будет одета на празднике, и долго ли ей разрешат побыть со всеми, и сможет ли она потанцевать с каким-нибудь малюсеньким великанчиком. А потом (её просто в дрожь бросало, когда она вспоминала об этом) она наклоняла головку набок, как полная идиотка (великаны — они же взрослые — тут же умилялись), и, встряхивая кудрями, сюсюкала: «Ах, никак не дождусь завтрашнего вечера! Как медленно время идёт!» Тогда некоторые прикладывали к глазам огромные носовые платки,

словно собирались заплакать.

— Какие они славные в этом возрасте, — сказала одна великанша другой. — Такая жалость, что…

Юстэс и Хмур тоже старались изо всех сил, но у девочек такие вещи получаются лучше, чем у мальчиков, а у мальчиков лучше, чем у кваклей.

Позже случилось то, от чего им ещё больше захотелось сбежать. Второй завтрак им накрыли в огромном зале, на маленьком столике у камина. Метрах в десяти от них за большим столом завтракали человек семь старых великанов. Они так шумели, что дети вскоре перестали обращать на них внимание, как не обращают внимания на уличный шум. Все ели холодную солонину, которой Джил до сей поры не пробовала, и вдруг Хмур так изменился в лице, что бледность проступила даже сквозь серовато-болотный цвет его кожи.

— Не ешьте больше, — сказал он.

— А что такое? — шёпотом спросили дети.

— Вы не слыхали, что они говорят? «Отменный задок. Значит, тот олень просто врал». — «Почему?» — «Ну, когда его поймали, он сказал: не убивайте меня, я жесткотелый, я буду вам не по вкусу».

Джил не сразу поняла смысл этих слов и вздрог-

нула только тогда, когда Юстэс просто вытаращил глаза от ужаса.

— Значит, мы едим *говорящего* оленя, — сказал он. Открытие это подействовало на них по-разному. Джил, не привыкшая к этому миру, просто жалела бедняжку оленя. Юстэс, побывавший здесь раньше и друживший с говорящим зверем, пришел в ужас. А Хмур, урожденный нарниец, был почти в обмороке.

— Мы навлекли на себя гнев Аслана, — сказал он. — Вот что значит не следовать знакам. Вероятно, на нас падет проклятие. Нам бы зарезаться этими ножами, но нельзя, запрещено.

Никто из них не мог больше есть, и они тихо выскользнули из зала. Близилось то время дня, на которое они наметили побег, и волнение их усилилось. Они слонялись по переходам, ожидая, когда кругом всё стихнет. На кухне убирали и мыли посуду, и было истинным мучением ждать, когда великаны уйдут. Наконец осталась одна старая великанша. Она суетилась без толку, и путешественники с ужасом поняли, что она вовсе не собирается уходить.

— Ну, дорогие мои, — сказала она, — с работой я управилась. Поставим-ка чайничек, напьемся чайку, отдохнём немножко. Загляните-ка в

сени, будьте паиньками, и скажите, открыт ли чёрный ход.

— Да, открыт, — сказал Юстэс.

— Вот и хорошо. Я всегда оставляю его открытым, чтобы киска могла погулять.

Затем она села на стул и положила ноги на другой.

— Можно бы и вздремнуть, — протянула она. — Если только эти чёртовы охотнички не вернутся слишком скоро.

Дети обрадовались, когда она сказала «вздремнуть», и скисли, услышав про охотничков.

— А когда они возвращаются? — спросила Джил.

— Кто их знает! — ответила великанша. — Ну, посидите тихонько, мои лапочки.

Они отступили в дальний конец кухни и уже собирались шмыгнуть в сени, как вдруг великанша приподнялась, открыла глаза и отогнала муху.

— Надо подождать, пока она совсем не уснёт, — прошептал Юстэс. — Иначе всё пропало.

И они сгрудились в углу, выжидая и наблюдая. А великанша никак не успокаивалась. Когда они думали, что она уже совсем заснула, она шевельнулась снова.

«Мне этого не вынести», — подумала Джил и,

чтобы отвлечься, осмотрелась вокруг. Прямо перед ней стоял чистый широкий стол, на нём были два блюда для пирогов (конечно, гигантских). Джил подумала, что она вполне могла бы улечься на одном из них. Лежала там и открытая книга; взобравшись на скамью у стола, Джил заглянула в книгу и прочитала:

«*ДИКАЯ УТКА.* Из этой птицы можно приготовить множество вкусных блюд».

«Поваренная книга», — равнодушно подумала Джил и оглянулась через плечо. Глаза у великанши были закрыты, но спала она не очень крепко. Джил снова посмотрела в книгу, перевернула несколько страниц, и сердце у неё чуть не остановилось. Там было написано:

«*ЧЕЛОВЕК.* Это изящное двуногое с давних пор считается деликатесом. Составляет традиционную часть осеннего праздника. Подаётся между рыбой и мясным. Каждый человек…»

Дальше она читать не могла. Великанша заворочалась и кашлянула. Джил подтолкнула локтём друзей и указала на книгу. Юстэс прочи-

тал про человека и побледнел, а Хмур полистал и обнаружил такие строки:

> «*КВАКЛЬ-БРОДЯКЛЬ.* Некоторые авторитеты считают эту дичь совершенно непригодной в пищу из-за её запаха и грязной окраски. Однако запах можно уменьшить, если…»

Джил легонько тронула руку Юстэса. Все трое посмотрели на великаншу… Рот её был слегка приоткрыт, а из носа шел звук прекрасней всякой музыки: она храпела. Сейчас надо было на цыпочках, но не слишком быстро, едва дыша, выбраться через сени (у великанов там пахнет гадко) в бледный свет зимнего полдня.

Вскоре они стояли на самом верху узкой неровной тропы. К счастью, справа от замка виднелся разрушенный город. Через несколько минут они снова шли по широкой крутой дороге, спускавшейся от главных ворот. Сейчас их можно было увидеть из любого окна, а окон было не два и не пять — все пятьдесят. Земля поросла такой короткой травкой, что в ней могла спрятаться разве что лисица. Кругом было много гальки и плоских камней. А хуже всего — на детях осталась одежда, которую вчера дали великаны (Хмуру вообще

ничего не сгодилось). На Джил было ярко-зелёное платье, слишком длинное для неё, и алая мантия, отороченная белым мехом, на Юстэсе — алые чулки, голубой камзол, синий плащ, шпага с золотой рукоятью и шляпа с пером.

— Ну и цвета у вас, — пробормотал Хмур. — Недурно смотритесь зимним днём. Самый плохой стрелок не промахнётся. Кстати, о стрелках: плакали наши луки. Наверное, одежды эти не греют?

— Да, я совсем замерзла, — сказала Джил. Несколько минут назад, на кухне, Джил думала, что самое трудное — выбраться из замка. Теперь она поняла, что опасности только начинаются.

— Спокойно, спокойно, — проговорил Хмур. — Не оглядывайтесь, не спешите. Притворяйтесь, что мы на прогулке, тогда никто ничего не заподозрит. Как только поймут, что мы сбежали, — дело плохо.

Разрушенный город был дальше, чем надеялась Джил. Вдруг послышался какой-то звук. Юстэс и Хмур замерли, Джил спросила:

— Что это?

— Охотничий рог, — прошептал Юстэс.

— Не бегите! — сказал Хмур. — Ждите моего знака.

Джил не удержалась и обернулась. В полумиле от них, ближе к замку, возвращалась охотничья кавалькада. Вдруг загрохотали великаньи голоса, раздался лай и крики.

— Нас увидели. Бежим! — приказал Хмур.

Джил подхватила юбки — ах, как трудно в них бежать! — и припустила изо всех сил. Опасность надвигалась. Звуки горна становились всё громче, король кричал:

— За ними, в погоню! А то у нас не будет пирога с человечиной!

Джил быстро отстала, она путалась в платье, скользила на шатких камнях, задыхалась, волосы забивались в рот. Собаки лаяли всё ближе. Надо было бежать вверх, в гору, по скалистому склону, к нижней ступени гигантской лестницы. Она представить себе не могла, что они будут делать, когда доберутся до неё. Квакль бежал впереди. Добежав до нижней ступени, он остановился, огляделся и юркнул в какое-то отверстие. Быстро мелькнули и исчезли длинные паучьи ноги. Юстэс помедлил и тоже исчез за ним. Джил, едва дыша и пошатываясь, достигла дыры минутой позже. Это была просто щель между камнями шириной фута в три и в фут высотой. Пришлось лечь лицом вниз и проползти туда на животе как

можно быстрее. Джил казалось, что в её каблук вот-вот вцепятся собачьи зубы.

— Быстрее, быстрее. Камней! Завалим вход, — послышался из темноты голос Хмура.

Внутри была тьма кромешная, и только через отверстие, откуда они вползли, шёл тусклый свет. Мелькали руки Юстэса и лягушачьи лапы квакля — они забивали проход камнями. Тут и Джил стала ощупью искать большие камни и передавать дальше. Прежде чем собаки подоспели, щель была заделана. Теперь, конечно, внизу стало совсем темно.

— Быстрее вперёд, — прозвучал голос Хмура.

— Давайте возьмёмся за руки, — сказала Джил.

— Что ж, это можно, — сказал Юстэс, но они не сразу нашли друг друга в темноте.

Собаки громко сопели и принюхивались по другую сторону каменной преграды.

— Попробуем встать в полный рост, — предложил Юстэс. Это удалось, и, шаря ногами, натыкаясь на камни, они начали продвигаться в темноту. Джил шла последней и очень жалела, что она не в середине. Вдруг Хмур оказался у скалистой стены. Они свернули немного вправо. Дальше было очень много поворотов. Джил перестала понимать, куда они идут, и уже не знала, где же был вход в пещеру.

— Ещё вопрос, — звучал впереди голос Хмура, — не лучше ли вернуться назад (если это возможно) и стать пирогом для великанов, чем плутать в утробе холма, где, скорее всего, мы наткнемся на драконов, глубокие ямы, воды и… о-о! Что это! Берегитесь! Я…

Дальше всё шло очень быстро. Раздался крик, послышался свистящий звук, и Джил обнаружила, что она скользит всё быстрее и быстрее по склону из мелких камешков. Даже если бы удалось встать, что толку? Ноги всё равно скользили по щебню. Но Джил не стояла, она ехала

лёжа. И чем дальше они съезжали, тем больше камней и земли вовлекалось в поток, так что и камешки, и они сами катились всё быстрее. По крикам и брани своих друзей Джил поняла, что многочисленные камни, сыпавшиеся из-под неё, попадали в них. Она неслась с дикой скоростью, не сомневаясь, что на дне разобьётся.

Однако она не разбилась. Ушибы болели, по лицу текла кровь, вокруг неё и даже над ней возвышались кучи земли и гальки, так что ей было не выбраться. Тьма стала такой плотной, что открывай глаза, закрывай — ничего не менялось. Звуков тоже не было. Так настал самый страшный миг в её жизни. Она подумала, что она одна, что остальных уже нет, и тут услыхала, что рядом кто-то шевелится. Через миг-другой все трое дрожащими голосами сообщали друг другу, что кости у них, кажется, целы.

— Нам отсюда не выбраться, — сказал голос Юстэса.

— А вы заметили, как здесь тепло? — сказал голос Хмура. — Это значит, мы глубоко внизу. Пожалуй, не меньше мили. — Чуть позже он добавил: — Кремень и огниво потерялись.

Снова никто не ответил. Потом Джил сказала:

— Пить хочется…

Никто не говорил, что делать дальше, ибо делать было нечего. В тот момент они даже не боялись, так они все трое измучились.

Нескоро, очень нескоро прозвучал очень странный голос. Они сразу поняли, что он принадлежит не тому, кого они надеялись услышать, — не Аслану. Это был глухой, мрачный, я бы даже сказал, чёрный голос. Он произнёс:

— Что вы здесь делаете, жители Наземья?

Глава десятая
Там, где не светит солнце

— Что там? — закричали путешественники.

— Я страж на границе Подземья, а со мною сто трезубцев, — послышалось в ответ. — Отвечайте немедля, кто вы такие и зачем пожаловали в Королевство Глубин?

— Мы случайно упали, — довольно честно ответил Хмур.

— Многие падают, но немногие поднимаются туда, где светит солнце, — сказал голос. — Приготовьтесь следовать за мной к королеве.

— А зачем мы ей нужны? — осторожно поинте-

ресовался Юстэс.

— Волю её не обсуждают, — ответил голос. — Ей подчиняются.

Пока он это говорил, раздался шум вроде мягкого хлопка, и холодный серовато-голубой свет залил пещеру. Нет, говоривший не хвастался. Джил сощурила глаза и с удивлением уставилась на плотную толпу, состоявшую из самых невероятных существ. Все они были разного роста, от гномов едва ли в фут высотой до таких, кто выше любого человека. Все держали трезубцы, все были страшно бледны и стояли недвижно, как статуи. В остальном они сильно отличались друг от друга: у одних были хвосты, у других — нет; у одних были бороды, у других — круглые, как тыква, лица; у одних — длинные острые носы, у других — длинные и мягкие, вроде хобота, у третьих — как увесистые груши. Кое у кого из середины лба торчал рог. Но в одном все были одинаковы: каждое лицо просто дышало печалью. Едва взглянув на них, Джил забыла о том, как она испугалась, и ей очень захотелось приободрить их.

— Ну, — воскликнул Хмур, потирая руки, — это то, что нужно. Если *они* не научат меня серьёзному взгляду на жизнь, я уж не знаю, что и делать. Посмотрите-ка на того, с моржовыми усами, или

вон на того…

— Вставайте, — приказал глава подземцев. Путники поднялись и взялись за руки. Подземцы окружили их, мягко ступая плоскими ногами. У одних было по двенадцать пальцев, у других — по десять, у третьих вообще пальцев не было.

— Марш! — скомандовал страж, и они отправились.

Холодный свет струился из огромного шара, насаженного на длинный шест, который нёс впереди процессии самый рослый гном. В этом безрадостном свете они разглядели, что находятся в пещере: стены и потолок были выпуклые, шероховатые, с множеством причудливых изгибов, а каменная тропа полого спускалась вниз. Джил чувствовала себя хуже остальных — она терпеть не могла темноты и подземелий. Пока они шли, пещера становилась все уже и ниже. Наконец, гном со светильником посторонился, и остальные, один за другим, нырнули в тёмную щель.

Больше Джил выдержать не могла.

— Не полезу, не полезу, не полезу! — выговорила она.

Подземцы ничего не сказали, но опустили копья, как бы указывая на неё.

— Спокойно! — сказал Хмур. — Такие верзилы туда не полезли бы, если бы ход не расширялся. Здесь не так уж плохо, хоть дождя не будет.

— Да пойми ты, я не могу! — хныкала Джил.

— Вспомни, каково мне было на утёсе, — сказал Юстэс. — Ползи, Хмур, я — за тобой.

Квакль опустился на четвереньки.

— Держись за мои пятки, Джил, — сказал он, — а Юстэс будет держаться за твои, и всё в порядке.

— В порядке… — плаксиво протянула Джил, но опустилась и поползла, помогая себе локтями. Это было ужасно. Ползли они вроде бы очень долго, хотя на самом деле прошло минут пять. Наконец впереди показался тусклый свет, туннель стал шире и выше, и, разгорячённые, грязные, дрожащие, они вышли из духоты в огромную пещеру. Её освещал тусклый, дремотный свет, в странном фонаре уже не было нужды. Пол покрывал мягкий мох, на нем росли какие-то чудесные растения, ветвистые, как деревья, но мягкие, как грибы. Стояли они редко — не как в лесу, а как в парке. Зеленовато-серый свет, наверное, исходил от них и от мха, и в этом свете трудно было разглядеть свод пещеры. Теперь все шли по тихому, сонному залу, тут было печально, но не противно, словно звучала грустная музыка. Там

и сям лежали какие-то странные существа, то ли спящие, то ли мертвые. Большинство из них походило на драконов или на огромных летучих мышей. Даже Хмур не знал, кто они такие.

— Они здесь и жили? — спросил Юстэс у стража. Тот удивился, но ответил:

— Нет, все они из Наземья, свалились в щели или трещины. Многие попадают сюда, немногие возвращаются наверх, к солнцу. Говорят, что они ещё проснутся.

Рот его захлопнулся — да, как шкатулка! — и в тишине пещеры дети не посмели ничего спросить. Босоногие гномы ступали бесшумно по мягкому мху.

Здесь не было ветра, не было птиц, не было воды. Даже странные существа не дышали.

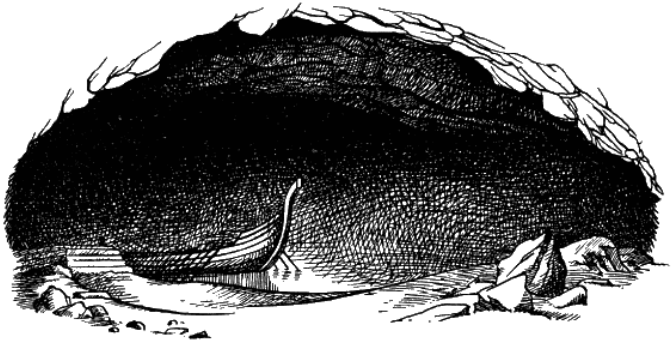
Пройдя несколько миль, все оказались у каменной стены с аркой, ведущей в другую пещеру. Арка была значительно шире, чем предыдущая, и Джил смогла пройти, даже не пригнувшись. Они попали в пещеру поменьше, длинную и узкую, вроде храма. Здесь, заполняя почти всё пространство, лежал и спал огромный человек. Ростом он был выше любого великана, но лицом не походил на них — черты его были благородны и красивы. Грудь тихо вздымалась и опускалась под белоснежной бородой, доходившей до пояса. Чистое серебряное сияние, шедшее неизвестно откуда, освещало его.

— Кто это? — спросил Хмур, а Джил удивилась,

как у него хватило духу, все ведь очень долго молчали.

— Это — Отец Время, бывший король Наземья, — сказал страж. — Он опустился в Королевство Глубин и заснул. Ему снится всё, что происходит наверху. Многие спускаются вниз, но немногие поднимаются наверх, к солнцу. Говорят, он проснется, когда кончится мир.

Из этой пещеры они попали в другую, затем ещё в одну и ещё, так что Джил уже сбилась со счета. Они всё время спускались, каждая пещера была ниже предыдущей; теперь от мысли о тяжкой толще земли просто сердце падало. Наконец они вошли в такую широкую и тёмную пещеру, что ничего не стало видно, и страж приказал засветить факелы. На бледном песке, у кромки воды стоял корабль без мачт и парусов, но с множеством вёсел, вроде большой ладьи. Они поднялись на борт и уселись на скамьи перед гребцами.



— Хотел бы я знать, — сказал Хмур, — совершил ли кто-нибудь из нашего верхнего мира такое путешествие?

— Многие отчаливали от блеклых берегов, — начал страж, — но…

— Да-да, знаю, — прервал его Хмур, — *но немногие вернулись наверх, к солнцу.* Незачем твердить это без конца. Я смотрю, это у вас вроде навязчивой идеи!

Дети прижались к Хмуру с обеих сторон. Наверху они думали, что он зануда, но здесь он был им единственной поддержкой. Тусклый фонарь подвесили в середине ладьи, подземцы сели на вёсла, и они отчалили. Фонарь светил слабо.

Вглядываясь вперёд, они видели только тёмную воду, сливавшуюся с полным мраком.

— Ох, что же с нами будет! — в отчаянии сказала Джил.

— Не падай духом, — сказал Хмур. — Не забывай, мы на верном пути. Ведь нам надо было пройти под разрушенным городом, вот мы и под ним. Теперь мы снова следуем наказу.

Им дали поесть каких-то пресных, совсем безвкусных лепёшек; потом они заснули. Когда они проснулись, всё было по-прежнему: гномы гребли, корабль скользил по воде, впереди стояла непроглядная тьма. Сколько раз они просыпались, засыпали снова, ели — никто из них не помнил. И что хуже всего, им уже казалось, будто они всегда жили на этом корабле, в этой темноте, а солнце, небо и ветер им приснились.

Размеренное движение вытеснило и надежды и тревоги, как вдруг показались бледные огни. Один приблизился, мимо проплыл корабль. После этого они встретили ещё несколько кораблей. Вглядываясь вперёд до боли в глазах, они рассмотрели огоньки, освещавшие как будто бы причал, стены, башни и толпу. Но шума пока слышно не было.

— Ну и ну, — вскричал Юстэс, — город!

И вскоре все увидели, что он прав.

Город был странный. Редкие огни светили да-

леко друг от друга. Судя по освещённым пятнам, тут был огромный морской порт. В одном месте разгружали корабли, в другом виднелись склады и кипы товаров, в третьем — стены и колонны каких-то дворцов и храмов. И всюду, куда падал свет, бесчисленные толпы подземцев, тесня друг друга, спешили по узким улицам или по ступеням лестниц. Когда корабль подплыл ближе, дети услышали мягкое шуршание, но не было тут ни песен, ни криков, ни колокольного звона, ни колёсного скрипа. Город был так же тих и почти так же тёмен, как муравейник.

Наконец корабль вошел в гавань. Путешественники сошли на берег, их повели в город. Подземцы сновали со всех сторон, и печальный свет падал на печальные лица. Никто не проявлял интереса к чужакам, каждый гном был столь же деловит, сколь и печален, хотя Джил никак не могла понять, чем же они заняты. Все двигались, спешили, толкались, мягко и тихо ступая.

Путники подошли к замку, видимо — очень большому, хотя было освещено лишь несколько окон. Их впустили, они прошли по двору и поднялись по лестницам. В конце концов они оказались в огромной мрачной комнате. Один её угол — вот радость! — был залит совсем другим

светом — простым, жёлтым, тёплым, как у наших ламп. Падал он откуда-то сверху и освещал подножие лестницы. По обеим сторонам стояли два подземца. Страж подошёл к ним и произнес слова, звучавшие как пароль:

— Многие попадают в Подземье…

— …и немногие возвращаются наверх, к солнцу, — ответили часовые. Затем все трое склонили друг к другу головы и зашептались. Наконец один сказал:

— Да говорю я вам, её королевское величество ушла по важному делу. Лучше подержать наземцев в тюрьме до её прихода. Немногие возвращаются наверх…

Тут разговор прервался. Ясный, звонкий, совершенно человеческий голос прозвучал с верха лестницы:

— Что там за шум, Муллугут? Наземцы? А ну-ка ведите их ко мне!

— Не угодно ли вашему высочеству вспомнить… — начал Муллугут, но голос прервал его:

— Моему высочеству угодно, чтобы ему повиновались, старый ворчун. Веди их наверх!

Страж покачал головой, сделал путешественникам знак, означавший «следуйте за мной», и стал подниматься по ступеням. С каждой ступенью

становилось светлее. На стенах висели прекрасные гобелены, и свет, проникая сквозь тонкие занавеси, отливал золотом. Наконец, откинув полог, страж ввел их в комнату, где пылал огонь в камине, а на столе сверкали хрустальные кубки с вином. Навстречу им поднялся светловолосый человек. Он был красив, казался смелым и добрым, но что-то в его лице вызывало тревогу. Одет он был в чёрное и немного походил на Гамлета.

— Добро пожаловать, наземцы! — воскликнул он. — Постойте, я же видел этих детей и их странного вожатого. Не вас ли я встретил на мосту у границ Этинсмура, когда ехал с дамой?

— Так вы тот чёрный рыцарь, не сказавший ни слова! — воскликнула Джил.

— А ваша дама и есть королева Подземья? — не слишком приветливо спросил Хмур.

Юстэс, подумавший о том же, сказал:

— Понимаете, она нарочно послала нас к великанам, а они собирались нас съесть. Что мы ей плохого сделали?

Чёрный рыцарь нахмурился:

— Если бы ты не был столь юным воином, мальчик, мы бы сразились с тобой насмерть. Я не стану слушать ни слова, если оно порочит честь моей госпожи. Можете быть уверены: что

бы она вам ни сказала, побуждения у неё были самые лучшие. Вы её не поняли. Это кладезь добродетелей — честности, милости, постоянства, любезности и мужества. Мне ли не знать! Её доброта ко мне, не способному отблагодарить её, поистине поразительна. Но вы еще узнаете её и полюбите. А пока расскажите, зачем вы попали в подземный мир.

Прежде чем Хмур успел остановить её, Джил выпалила:

— Мы ищем Рилиана, принца Нарнии. — И тут же прикусила язык, ведь эти люди могли оказаться врагами. Но рыцарь не проявил к её словам ни малейшего интереса.

— Рилиан? Нарния? — безучастно повторил он. — А где это? Никогда не слыхал о такой земле. Должно быть, это очень далеко от той части Наземья, которую я знаю. Но что за странная фантазия искать этого — как его? Билиана? Трилиана? — в нашем королевстве! Насколько мне известно, здесь такого нет. — И он громко рассмеялся, а Джил подумала: «Не это ли портит его лицо? Может, он глуповат?»

— Нам велели искать надпись на камнях разрушенного города, — сказал Юстэс. — И мы увидели слова «ПОДО МНОЙ».

Рыцарь снова разразился смехом.

— Вы ошиблись, — сказал он. — Эти слова не имели к вам никакого отношения. Если бы вы спросили мою спутницу, она дала бы вам лучший совет. Эти слова — последнее, что осталось от старого стиха:

Хотя я без трона и под землёй,
Пока я живу, земля подо мной.

Ясно, что какой-то король великанов, похороненный здесь, повелел вырезать эти хвастливые слова на своем надгробии. Одни камни разбились, другие унесли, третьи завалены галькой, но два слова ещё можно прочесть. Забавно, что вы решили, будто это написано для вас.

Джил и Юстэса словно окатили холодной водой. Значит, слова эти никак с ними не связаны, и всё происшедшее — простая случайность.

— Не слушайте его, — сказал Хмур. — Случайностей не бывает. Нас ведет Аслан, и он допустил, чтобы остальные буквы стёрлись. Он знал всё, что будет, даже *это.*

— Ваш покровитель, наверное, очень старый, — сказал рыцарь и неприятно усмехнулся.

— Мне кажется, — сказал Хмур, — ваша дама тоже старовата, если она помнит стих, высечен-

ный давным-давно.

— Ничего не скажешь, умно, жабья морда, — произнёс рыцарь, похлопывая Хмура по плечу и снова хихикая. — Прямо в яблочко. Она не чета нам, людям, время и смерть ей неведомы. Тем более благодарен я ей за безмерную щедрость к простому смертному. Знайте же, я человек глубоко несчастный, и только она, моя королева, терпелива со мной. Она обещала мне огромное королевство в Наземье и свою руку, когда я займу трон. Но эта история слишком длинна, чтобы слушать её стоя и на голодный желудок. Эй там, принесите вина и наземных лакомств для моих гостей! Садитесь, господа! Юная дева, сюда, в кресло! Сейчас я всё расскажу.

Глава одиннадцатая
В тёмном замке

Когда приступили к ужину (пирог с голубями, ветчина, салат и сладкие пирожки), рыцарь продолжил свой рассказ.

— Поймите, друзья, я ничего не знаю о том, кто я и откуда попал в тёмный мир. Я помню себя только при дворе моей прекрасной королевы. Я думаю, *она* спасла меня от каких-то злых чар и

привела сюда из великодушия. (Добрый Жаболап, ваш бокал пуст. Разрешите, я налью вам.) Даже и сейчас я под заклятием, от которого только *она* может меня освободить. Каждую ночь наступает час, когда разум мне изменяет, а вслед за разумом и тело. Я становлюсь таким бешеным, что мог бы броситься на лучшего друга и убить его, если бы не был связан. А потом я превращаюсь в чудовище, в огромного змея, голодного, гнусного и злого. (Возьмите ещё голубятины, доблестный лорд.) Так мне все говорят, и это, конечно, правда, ибо она говорит то же самое. Сам я ничего об этом не знаю, потому что просыпаюсь, ничего не помня об отвратительном припадке, в здравом уме и теле, только очень усталый. (Леди, попробуйте вот этот, с мёдом, который принесли из Наземья.) Её королевское величество уверяет, что я буду освобожден от чар, когда она сделает меня королём Наземья. Земля уже выбрана, выбрано даже место, где мы выйдем наверх. Здешние жители копали день и ночь, прокладывая путь, и сейчас продвинулись так далеко и высоко, что туннель всего на фут ниже травы, по которой спокойно ходят жители Наземья. Очень скоро судьба их должна измениться. Сейчас *она* пошла посмотреть на работы, и я ожидаю приглашения, чтобы

явиться туда же. Когда тонкая земляная крыша будет пробита, я с *ней* и с тысячей подземцев окажусь там, наверху, нападу на врагов, убью их предводителя, разрушу их укрепления и стану королём в двадцать четыре часа.

— Для них это будет невесело, а? — сказал Юстэс.

— Однако ты сметлив! — воскликнул рыцарь. — Мне это и в голову не пришло… Понимаю, понимаю… — На секунду, на две он смутился, но вскоре лицо его снова стало безмятежным, и он громко рассмеялся: — Да что там, к чему так серьёзно на все смотреть? Это же очень смешно — они там суетятся, возятся и понятия не имеют, что прямо под их полями и домами стоит армия и вот-вот вырвется наверх, как фонтан. А они и не подозревают! Они и сами, когда придут в себя, над этим посмеются.

— Ничего тут нет смешного! — сказала Джил. — Наверное, вы будете злым тираном.

— Ах, вон что? — произнес рыцарь, продолжая улыбаться и как-то противно поглаживая её по голове. — Наша леди увлекается политикой? Да не беспокойтесь, душечка, я буду править страной, как велит мне *она*, моя королева. Её слова будут мне законом, а моё слово будет законом

людям, которых мы победим.

— В том мире, откуда я пришла, — сказала Джил, — таких мужчин называют подкаблучниками.

— Поверьте, когда у вас будет муж, вы будете думать иначе, — сказал рыцарь так, словно считал свои слова удачной шуткой. — Но моя дама не такова, я счастлив жить по её слову, ведь *она* спасла меня от сотни опасностей. Ни одна мать не беспокоится о своём ребенке столько, сколько она обо мне. Она находит время ездить со мной верхом по Наземью, чтобы глаза мои привыкли к солнечному свету. Тогда я был в латах и с опущенным забралом, чтобы никто не увидел моего лица. Она одарена провидением и знает, что это помешало бы мне освободиться от волшебных чар, которыми я опутан. Разве такая дама не достойна полного повиновения?

— Дама неплохая… — произнес Хмур таким тоном, каким кого-нибудь бранят.

Они страшно устали от рассказа ещё прежде, чем кончили ужинать. Хмур всё гадал, что за игру ведёт колдунья с этим молодым дуралеем? Юстэс думал: «Да он просто держится за её юбку, стыд какой!..» А Джил говорила себе: «В жизни не видела такого дурака и воображалы!» Но когда с

ужином было покончено, настроение у рыцаря изменилось. Он больше не смеялся.

— Друзья, — сказал он, — час мой близок. Мне стыдно, если вы увидите меня таким ужасным, но мне не хочется оставаться одному. Сейчас придут, привяжут меня к креслу за руки и за ноги, потому что в ярости я разрушаю всё, что под руку попадется. Так мне сказали.

— Конечно, — сказал Юстэс, — мне очень жаль, что вы заколдованы, но что они сделают с нами, когда придут вас привязывать? Я слышал, нас посадят под замок. Очень уж мне не нравятся все эти тёмные места. Лучше бы нам остаться здесь, у вас… если можно.

— Надо подумать, — сказал рыцарь. — Никто, кроме королевы, не может оставаться со мной в этот час. Она так заботится о моей чести, что только её слух страдает от слов, которые я произношу в припадке. Нелепо просить помощников наших, гномов, чтобы они оставили вас со мною. Вот они идут, я слышу их мягкие шаги. Пройдите в ту дверь, она ведет во вторую комнату, и подождите там, пока я не очнусь и меня не развяжут; а не захотите ждать — возвращайтесь и сидите здесь, пока я страдаю.

Они вошли в дверь, которую раньше не заме-

тили, и, к своей радости, увидели, что там — не темнота, а довольно светлый коридор. Открывая двери наугад, они нашли в одной комнате воду для мытья и зеркало.

— Он даже не предложил нам помыть руки, — сказала Джил, утирая лицо полотенцем. — Эгоист и свинья!

— Может, вернёмся, посмотрим, как действуют чары? — предложил Юстэс.

— Да ну его! — фыркнула Джил. — Ещё смотреть! — Но всё-таки ей было немного любопытно.

— Нет, вернёмся, — сказал Хмур. — Мы можем узнать что-нибудь новое. Я уверен, что королева — колдунья и наш враг. Да и эти подземцы того и гляди нас прибьют. Здесь просто пахнет опасностью, ложью, колдовством и коварством. Надо быть начеку.

Они вернулись и тихонько вошли в ту комнату, где ужинали. Рыцарь сидел в странном серебряном кресле; он был привязан за лодыжки, колени, локти, грудь и пояс. На лбу его выступил пот, лицо исказила мука.

— Входите, друзья, — сказал он. — Припадок ещё не начался. Только потише, я сказал камергеру, что вы уже спите. Ну вот, я чувствую,

подступает. Быстро! Пока я ещё владею собой. Когда наступит припадок, я буду просить, умолять, чтобы вы освободили меня от верёвок. Не слушайте меня. Ожесточите сердца, закройте уши. Пока я привязан, вы в безопасности. Но если я встану, ярость моя выльется наружу и, — он вздрогнул, — я превращусь в змея.

— Не бойтесь, мы вас не отвяжем, — сказал Хмур. — Мы вовсе не хотим пострадать от безумца или змея. — И шёпотом добавил своим друзьям: — А всё же надо быть начеку, мы и так много прошляпили. Он пустится на хитрости, я уверен. Будем мы соблюдать обещание, что бы

он ни говорил?

— А как же! — сказал Юстэс.

— Что бы он ни придумал, я своего мнения не изменю, — сказала Джил.

— Тсс! Началось, — шикнул Хмур.

Рыцарь застонал. Лицо его побелело как снег, он скорчился в своих путах. То ли от жалости, то ли по другой причине Джил подумала, что он не такой уж противный.

— Ах, — стонал он, — чары! Чары… холодные, клейкие путы колдовства. Я похоронен заживо. Я втянут под землю, в прокопчённую тьму… Сколько лет прошло? Сколько я прожил в этой яме — десять лет или тысячу? Вокруг — не люди, личинки. Дайте мне увидеть небо, вдохнуть ветер! Там есть маленький пруд. Когда в него смотришь, деревья в воде — вверх ногами, а под ними, глубоко-глубоко, — голубое небо… — он говорил тихо, но вдруг взглянул на них и произнёс громко и отчётливо: — Быстрее! Я в здравом уме. Каждую ночь я в здравом уме. Если б только я мог выбраться из этого кресла, всё бы кончилось. Я снова стал бы человеком. Каждую ночь меня привязывают, и каждую ночь я сознаю, как безнадёжен мой плен. Но ведь вы — не враги, а я не ваш узник. Быстрее! Развяжите веревки.

— Стойте на месте! — приказал Хмур.

— Умоляю, послушайте меня! — продолжал рыцарь, стараясь говорить спокойно. — Наверное, вам сказали, что если меня освободить, я убью вас и превращусь в змея. Вижу по вашим лицам, что так оно и есть. Это ложь. Именно сейчас я в здравом уме, а в другое время заколдован. Будьте великодушны, разорвите путы!

— Спокойно! Спокойно! Спокойно! — сказал, обращаясь к другому, каждый из трёх зрителей.

— О, у вас каменное сердце! — воскликнул рыцарь. — Поверьте, я мучился больше, чем может вынести человек. Что я вам сделал плохого, почему вы на стороне моих врагов? Время уходит! Сейчас вы можете спасти меня. Но скоро я снова стану безумцем… игрушкой, нет — орудием самой гнусной Колдуньи. И как раз сегодня её нет! Больше такой возможности не будет.

— Это ужасно, — сказала Джил. — Лучше бы нам этого не видеть.

— Спокойно! — повторил Хмур.

Голос пленника перешел в крик.

— Отпустите меня! Дайте меч! Как только я стану свободным, я отомщу подземцам так, что об этом будут помнить тысячу лет!

— Вот он, припадок, — сказал Юстэс. — Наде-

юсь, привязан он крепко.

— Да, — подтвердил Хмур. — Сила его сейчас удвоилась, а я плохо владею мечом. Конечно, он обоих нас сомнет, и Джил придется одной бороться со змеем.

Узник так напрягся, что веревки врезались в его ноги и руки.

— Берегитесь, — продолжал он. — Однажды я разорвал их, но Колдунья была здесь. Теперь она не помешает. Освободите меня, и я буду вам другом. Сейчас я вам смертельный враг.

— Хитрит?.. — пробормотал Хмур.

— Раз и навсегда, — сказал узник, — умоляю, освободите меня. Страхом и любовью, светлым небом Наземья, великим Львом, самим Асланом заклинаю вас…

— Ой! — разом вскричали трое путников.

— Это знак, — сказал Хмур.

— Да, это *слова* знака, — осторожно проговорил Юстэс.

— Ох, что же делать? — спросила Джил. И впрямь решить было трудно. Неужели Аслан велел им освободить кого угодно, даже безумца, если тот попросит их во имя Льва? Может быть, это просто случайность? А может быть, королева знала о знаках и заставила рыцаря выучить это

имя, чтобы заманить их в ловушку? А вдруг это настоящий знак? Три знака они прошляпили, нельзя же прошляпить и четвёртый.

— Ох, если бы знать наверное! — воскликнула Джил.

— Мне кажется, мы знаем, — сказал Хмур.

— Думаете, ничего плохого не случится, если мы развяжем его? — спросил Юстэс.

— Вот этого не знаю, — ответил Хмур. — Аслан не сказал, что случится. Он только сказал, что делать. Может, безумец убьёт нас. Но действовать мы должны.

Они стояли, глядя друг на друга. Им было очень страшно.

— Ну, что же, — сказала Джил. — Прощайте, друзья!..

И они пожали друг другу руки. Рыцарь кричал, губы его покрывала пена.

— Вперед, Юстэс, — скомандовал Хмур, и они обнажили мечи и шагнули к пленнику.

— Во имя Аслана, — произнесли они и перерезали верёвки. Как только узник стал свободен, он прыжком достиг стола, схватил меч и вырвал его из ножен.

— Получай! — крикнул он, обрушивая удары на серебряное кресло. Меч был отличный, серебро

коробилось, как картон, и через секунду на полу сверкали обломки. Вдруг они ярко вспыхнули, раздался грохот, и в комнате на минуту отвратительно запахло.

— Так тебе и надо, орудие колдовства! — сказал рыцарь. — Твоя хозяйка уже не сможет никого мучить. — Он обернулся к своим спасителям. Ничего неприятного в его лице больше не было.

— Как! — воскликнул он. — Неужели я вижу квакля — настоящего, живого, доблестного нарнийского квакля?

— Так вы знаете о Нарнии? — спросила Джил.

— Забыл ли я о ней, когда был заколдован?.. — сказал сам себе рыцарь. — Теперь все мучения позади. Поверьте, уж я-то знаю Нарнию, ведь я — Рилиан, нарнийский принц, и Каспиан, великий король — отец мне.

— Ваше королевское высочество, — воскликнул Хмур, преклоняя колена, — мы пришли за вами!

— Кто же вы, мои незнакомые освободители? — обратился принц к Юстэсу и Джил.

— Нас послал сюда сам Аслан, — ответил Юстэс. — Меня зовут Юстэс, и я плавал с вашим отцом на остров Раманду.

— Ох, я стольким вам обязан, — сердечно произнес принц. — А где мой отец? Жив ли он?

— Он отплыл на восток прежде, чем мы покинули Нарнию, — ответил Хмур. — Король очень стар. Один шанс из десяти, что он вернется из плавания живым.

— Вы говорите, он стар. Сколько же лет я провёл во власти Колдуньи?

— Десять лет прошло с тех пор, как вы, ваше высочество, исчезли в лесу на севере Нарнии.

— Десять лет!.. — прошептал принц, проводя рукой по лицу. — Да, я вам верю. Теперь, когда я снова стал самим собою, я помню годы чар, хотя под чарами не помнил себя, настоящего. А теперь, милые друзья… Нет, постойте! Я слышу отвратительный шорох, это чьи-то шаги. Закрой дверь на замок, мальчик. Нет, лучше сделаем иначе. Я одурачу этих подземцев, если Аслан пошлёт мне разум.

Он решительно подошел к двери и широко распахнул её.

Глава двенадцатая
Королева подземья

Вошли двое подземцев, остановились у двери и низко поклонились. За ними появилась та, кого никто не ожидал, — дама в зелёном, королева Подземья. Она замерла в дверном проёме, обвела взглядом комнату и увидела всё — троих незнакомцев, остатки серебряного кресла, освобождённого принца с мечом в руке. Она побледнела — Джил подумала, что так бледнеют от ярости, а не от страха — и на мгновение остано-

вила на принце смертоносный взгляд. Но сразу же как будто смягчилась.

— Ступайте, — приказала она подземцам. — Пусть никто нас не беспокоит, пока я не позову, иначе ему не жить.

Гномы послушно затопали куда-то, а королева закрыла дверь и повернула ключ в замке.

— Лучше тебе, повелитель мой, принц? — спросила она. — Твой припадок ещё не наступил или уже кончился? Почему ты не привязан? Кто эти чужестранцы? Это они разбили кресло, единственное твоё спасение?

Принц Рилиан вздрогнул, когда она заговорила. И неудивительно — трудно стряхнуть чары, державшие тебя десять лет. Затем, с заметным усилием, он произнес:

— Это кресло мне больше не нужно, миледи. Сотни раз говорили вы мне, как жаль вам, что я околдован, и теперь несомненно обрадуетесь, что чары разрушены навсегда. Наверное, вы в чём-то ошиблись, что-то сделали не так. Мои друзья освободили меня. Сейчас, в здравом уме, я хочу сказать вам: мне противен ваш замысел. Я не хочу во главе подземцев ворваться в Нарнию и силой стать королем у тех, кто не сделал мне ничего худого. Я, Рилиан, единственный сын

Каспиана Десятого, покидаю ваш двор и отправляюсь домой. Прошу вас выпустить нас из вашего тёмного королевства и дать нам охранную грамоту и провожатого.

Королева ничего не сказала, но мягко пересекла комнату, не сводя глаз с принца. Она подошла к небольшому ящичку, встроенному в стену, открыла его, вынула горсть зеленоватого порошка и бросила его в огонь. Огонь вспыхнул чуть ярче, и комнату наполнило дремотное благоухание. Оно становилось всё сильнее и всё больше мешало думать. Потом она взяла музыкальный инструмент вроде мандолины и заиграла так монотонно, что через несколько минут звуки словно бы исчезли для слуха. Но чем меньше их слышали, тем больше они лезли в голову, словно входили в кровь, и тоже мешали думать. Поиграв немного (запах стал ещё гуще), королева заговорила сладким, тихим голосом:

— Нарния? — спросила она. — Я часто слышала это слово от вашего высочества. Вы произносили его в беспамятстве. Дорогой принц, вы очень больны. Такой страны нет.

— Это не так, мадам, — возразил Хмур. — Видите ли, я прожил в этой стране всю свою жизнь.

— Вот как? — сказала королева. — Расскажите

нам, пожалуйста, где же эта страна.

— Наверху, — решительно начал Хмур и показал наверх, — не скажу точно — где именно.

— Неужели? — мелодично засмеялась Колдунья. — Наверху, среди камней?

— Нет, — возразил Хмур, с трудом глотая воздух. — Это Наземье.

— А что же это такое? Где это, как ты его называешь… Наземье?

— Да что вы нас дурачите? — воскликнул Юстэс, с трудом боровшийся с колдовским запахом и звуками музыки. — Как будто сами не знаете! Это наверху, там, где над головой небо, солнце и звёзды. Да вы сами там были. Мы же вас видели!

— Помилуйте, мой юный друг! — засмеялась Колдунья серебристым смехом. — Я не помню об этой встрече. Мы часто встречаем друзей во сне. А сны у всех разные, к чему же спрашивать, помнят ли их другие?

— Миледи, — твёрдо произнес принц, — я уже сказал вашей милости, что я — сын короля Нарнии.

— Да на здоровье, дружочек, — произнесла Колдунья так, словно ублажала ребенка. — Конечно, конечно, ты король всех своих воображаемых стран.

— Но мы там тоже были, — подхватила Джил. Она сердилась, потому что чувствовала, как чары действуют на неё. Конечно, если она это чувствовала, она не была совсем заколдована.

— Наверное, ты тоже королева Нарнии? — насмешливо и ласково спросила Колдунья. — Ну, конечно, ты такая хорошенькая…

— Никакая я не королева, — сказала Джил, топнув ногой. — Мы пришли из другого мира.

— Ну, эта игра ещё интереснее, — заметила Колдунья. — Расскажи-ка, душечка, где этот мир? Что за корабли и колесницы ходят между вашим миром и нашим?

Конечно, многое промелькнуло тут в голове у Джил: экспериментальная школа, Адела Пеннифевер, родной дом, радио, кино, машины, самолёты. Но они припомнились смутно и где-то очень далеко. Длинь-длинь-длинь — пели струны под рукой Колдуньи. Джил даже не могла вспомнить названия. Ей уже не приходило в голову, что на неё действуют чары, волшебство набрало силу. Ведь чем больше вы околдованы, тем меньше это чувствуете. Она вдруг услышала, что говорит:

— Нет, наверное, другой мир — это просто сон.

И ей стало много легче.

— Конечно, сон, — согласилась Колдунья, пере-

бирая струны.

— Да, сон, — подтвердила Джил.

— Такого мира никогда и не было, — говорила Колдунья.

— Да, такого мира не было, — вместе сказали Джил и Юстэс.

— Нет никакого мира, кроме моего, — напевно сказала Колдунья.

— Никакого мира, кроме вашего, — согласились дети. Но Хмур ещё боролся.

— Мне не совсем ясно, что вы понимаете под миром, — сказал он сдавленным голосом. — Пиликайте на своей деревяшке, пока у вас пальцы не отвалятся, но я не забуду Нарнию и Наземный мир. Пускай мы его больше не увидим. Может быть, вы уничтожили его или покрыли мраком, как здесь. Вполне возможно. Но я помню, что жил там. Я видел небо, усеянное звёздами. Я видел солнце, поднимающееся из-за моря и опускающееся за горы. Я видел полуденное солнце, хотя смотреть на него было трудно, так оно сияло.

От этих слов Юстэс и Джил как будто очнулись. Они снова задышали легко и взглянули друг на друга.

— Ну конечно! — воскликнул принц. — Конечно! Да благословит тебя Аслан, доблестный

квакль! Мы все были как во сне эти несколько минут. Как мы могли забыть? Все мы видели солнце.

— Еще бы не видеть! — взбодрился Юстэс. — Молодец, Хмур, ты самый разумный из нас.

Тут раздался голос Колдуньи, нежный, как воркование горлицы в сонном летнем саду:

— А что это такое — солнце? На что оно похоже? («Длинь-длинь-длинь».)

— Разрешите, миледи, — холодно и учтиво начал принц. — Видите эту лампу? Она круглая, жёлтая, освещает всю комнату и висит над головой. То, что мы называем солнцем, похоже на лампу, только больше и ярче. Оно дает свет Наземью и висит в небе.

— На чём же оно висит? — спросила Колдунья, а пока они думали над ответом, добавила с мягким смешком: — Вот видите, когда вы пытаетесь всё трезво обдумать, вы не можете найти слов. Вы говорите, оно вроде лампы. Солнце приснилось вам, потому что вы насмотрелись на лампу. Лампа — реальна, солнце — выдумка, детская сказочка.

— Да, понимаю, — произнесла Джил тяжёлым безжизненным голосом. — Должно быть, так оно и есть. — И ей опять стало легче.

Колдунья медленно повторила:

— Солнца нет. — Ей ничего не возразили, и она повторила ещё мягче: — Солнца нет.

Четверо помолчали, пытаясь хоть что-то додумать, и сказали хором:

— Вы правы, солнца нет. — Им стало гораздо легче.

— И никогда не было, — сказала Колдунья.

— Не было, — покорно откликнулись и дети, и принц. Джил изо всех сил старалась что-то вспомнить, и вспомнила, но сказать это было очень трудно, просто губы не разжимались. Наконец с огромным усилием она произнесла:

— Зато есть Аслан.

— Аслан? — переспросила Колдунья и заиграла быстрее. — Какое красивое имя! А что оно значит?

— Это Великий Лев, пославший нас в этот мир на поиски принца, — сказал Юстэс.

— А что такое — лев? — спросила Колдунья.

— Ах, да бросьте вы! — воскликнул Юстэс. — Неужели вы не знаете? Как бы вам описать? Вы видели когда-нибудь кота?

— Конечно, — кивнула Колдунья. — Я люблю кошек.

— Так вот, лев похож на огромного кота. Прав-

да, у него есть грива. Не такая, как у лошади, а как парик у судьи, только золотая. И он очень сильный.

Колдунья покачала головой.

— Ах, вон что!.. — сказала она. — Да, то же самое, что с солнцем… Вы видели лампы, вам приснилась большая сильная лампа, и вы назвали её солнцем. Вы видели котов, вам представился кот покрупнее, и вы его назвали львом. Ну что же, неплохая игра, только для *маленьких*… И посмотрите, выдумать вы ничего не можете, всё видели здесь, в реальном мире, в моём единственном мире. Да, великоваты вы для такой игры. А вам-то уж, милый принц, просто стыдно, вы — совсем взрослый! Одумайтесь, оставьте эти детские забавы. У меня есть для вас реальное дело. Нарнии нет, и нет Наземья, нет неба, нет солнца, нет Аслана. А сейчас все в постель. Пора спать. Спите без снов, а завтра ведите себя умнее.

Принц и дети стояли, опустив головы, щёки у них горели, глаза слипались, силы были на исходе. Но Хмур, в отчаянии собрав все свои силы, подошел к огню. Он знал, что ноги его, хотя и босые, не пострадают так, как пострадали бы у человека, — ведь они были перепончатые, жесткие, и кровь в них текла холодная, как у лягушек, — но

всё же ему будет больно. И вот он наступил на пылающие уголья, кроша их в пепел.

Приторный, тяжёлый запах стал сразу слабее. Огонь не потух, но притух, запахло палёной кожей, а это не колдовской запах. В голове у всех заметно просветлело. Дети и принц выпрямились и открыли глаза.

Колдунья закричала диким голосом, сильно отличавшимся от сладкого воркования:

— Что ты делаешь? Только прикоснись к моему огню ещё раз, гад перепончатый!

Но боль в ногах придала особую ясность Хмуровым мыслям. Теперь он точно знал, что думает. Внезапная боль прекрасно может развеять злые чары.

— Минуточку! — произнёс он, ковыляя прочь от огня. — Минуточку внимания, мадам. Всё, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать худшее и держаться как можно лучше. Потому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали всё это: деревья, траву, солнце, звёзды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который

лучше вашей реальной ямы. Я не предам игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем всю жизнь искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит ли о том жалеть, если мир — таков, каким вы его описали.

— Ух ты! Молодчина, Хмур! — закричали Юстэс и Джил. Но принц воскликнул:

— Берегитесь!

Мандолина куда-то делась. Руки Колдуньи как бы прилипли к бокам, ноги переплелись, ступни исчезли. Длинная зелёная ткань её платья становилась всё плотнее и всё больше прилегала к телу, само же оно извивалось и корчилось, словно в нём не было ни единой кости. Голова откинулась назад, от лица остались лишь глаза, огромные, без бровей и ресниц, и глаза эти пылали. Писать об этом долго, а случилось это чуть не за секунду — и ядовито-зелёная змея толщиной с Джил обвила отвратительным телом ноги принца. Мгновение — и другой виток примотал бы его руки к туловищу. Но принц успел поднять руки, и страшный узел завязался лишь вокруг его груди, едва не сломав ему ребра.

Принц схватил левой рукой шею змеи и сдавил. Лицо её (если это можно назвать лицом) было совсем близко от его лица, раздвоенный язык высовывался из пасти. Правой рукой принц пытался обнажить свой меч. Однако Юстэс и Хмур уже бросились ему на помощь. Оба удара обрушились одновременно. Меч Юстэса скользнул по змеиному телу, но даже не повредил чешуи. Хмур ударил прямо по шее, но тут ударил и сам принц, и ему удалось отсечь голову. Чудовище упало и, свитое кольцами, как кусок верёвки, испустило дух. Все трое стояли, тяжело дыша. Можете себе представить, какое противное это было зрелище.

— Благодарю вас, друзья, — произнёс принц, когда смог говорить.

Трое мужчин постояли молча, переводя дух; а Джил, что вполне резонно, села на пол и подумала: «Надеюсь, я не свалюсь в обморок… и не зареву… и вообще».

— Я отомстил за мать, — сказал принц Рилиан. — Конечно, это та же змея, за которой я гнался в нарнийском лесу. Все эти годы я прожил рабом у той, что убила мою мать. Я рад, что Колдунья приняла свой змеиный облик. Ни честь, ни сердце не позволили бы мне убить женщину. Но что с нашей маленькой леди? — указал он на Джил.

— Спасибо, я ничего, — сказала она.

— Отважная дева, — сказал принц, низко ей кланяясь, — вы очень смелы, и я не сомневаюсь, что вы принадлежите к знатному и славному роду. Ну что же, друзья. Тут осталось чем подкрепиться! А потом обсудим, что делать дальше.

— Очень хорошая мысль, сэр! — сказал Юстэс.

Глава тринадцатая
Подземье без королевы

Все чувствовали, что им положен, как сказал бы Юстэс, передых. Когда Колдунья заперла дверь, она велела своим подданным её не беспокоить. Теперь первым делом надо было позаботиться о ногах Хмура. На повязки пошли две простыни из спальни принца, разорванные на полосы и смазанные оливковым маслом. Затем все присели отдохнуть, перекусить и обсудить план бегства.

Рилиан сказал, что выбраться на поверхность

нетрудно, отверстий здесь множество. Но ему не доводилось выходить одному, а к этим отверстиям они с Колдуньей добирались на корабле по Мрачному морю. Никто не может знать, что сделают подземцы, если он явится в порт без Колдуньи с тремя чужестранцами и потребует корабль. Правда, один из новых выходов был по эту сторону моря, всего в нескольких милях. Принц знал, что этот выход прокопан до самой поверхности, возможно — закончен совсем, а Колдунья прибыла сказать ему об этом и начать поход. Даже если это не так, они и сами без труда докопают остальное, если только им удастся туда добраться и если там нет охраны.

— Если бы спросили меня… — начал Хмур, но Юстэс воскликнул:

— Слушайте, что это за шум?

— Вот и я думаю, — сказала Джил. Все они слышали шум, но нарастал он так постепенно, что они не заметили, когда он появился. Сначала это был как бы лёгкий шум ветра, затем — словно рокот моря, наконец, раздался треск, грохот, голоса и какой-то рёв.

— Клянусь Асланом, — воскликнул принц, — эта безмолвная местность обрела язык!

Он поднялся, подошел к окну и раздвинул зана-

вески. Остальные столпились вокруг него.

Они увидели ярко-красный свет. Он шел с дальней стороны города, и огромные мрачные здания чернели на багряном фоне. Свет лился вдоль улиц, ведущих к замку, а на них творилось что-то странное. Толпы уже не было. Тут и там по двое и по трое мелькали подземцы. Вели они себя так, словно от кого-то прятались, — ныряли в тень уступов и дверей, быстро перебегали открытые места и ныряли снова. Но самым странным (особенно для тех, кто знал гномов) был шум. Кричали и вопили повсюду. Со стороны порта доносился низкий, грохочущий рёв, сотрясавший уже весь город.

— Что это с ними? — спросил Юстэс. — Неужели они так орут?

— Навряд ли, — ответил принц. — Сколько я тут томился, ни один мерзавец даже громко не говорил. Какая-нибудь новая гадость.

— А что это за красный свет? — спросила Джил. — Что-нибудь горит?

— Если бы спросили меня, — сказал Хмур, — я сказал бы, что это подземный огонь рвётся наверх. Будет новый вулкан. А мы окажемся в самом центре, это уж точно.

— Посмотрите на корабль! — воскликнул Юст-

эс. — Почему он так быстро плывёт? Ведь на нём нет гребцов.

— Смотрите, смотрите! — вскричал принц. — Корабль миновал порт, он уже на улице! Корабли плывут по городу! Вода в море поднялась. Это наводнение. Хорошо ещё, что замок на высоком месте. Но вода прибывает быстро.

— Да что же это такое? — закричала Джил. — Огонь, вода, люди мечутся по улицам!

— Я знаю, что это такое, — сказал Хмур. — Колдунья оставила в наследство целый набор чародейств, чтобы, если она умрёт, царство её развалилось. Она из тех, кто готов умереть, если знает, что убивший её сгорит, утонет, вообще погибнет вскоре после неё.

— Вот именно, дружище квакль, — согласился принц. — Когда мы отсекли ей голову, колдовству её был положен конец, и теперь глубинные земли рушатся. Мы видим конец Подземья.

— Что же, мы будем так сидеть и ждать? — взволнованно спросила Джил.

— Ни в коем случае, — сказал принц. — Мой Уголёк и колдуньина Снежинка стоят в замковом стойле. Будем продвигаться к верхним землям и искать выход. На каждом коне поместится двое всадников.

— Ваше высочество не забудет надеть доспехи? — спросил Хмур.

— Мне не очень-то нравится их вид, — указал он на улицу. Все посмотрели вниз. Десятки подземцев шли со стороны порта, но уже не беспорядочно. Они передвигались, как солдаты при атаке, совершая броски и укрываясь.

— Видеть не хочу больше эти доспехи, — сказал принц. — Я в них, как в передвижной тюрьме. Они пропитаны колдовством и рабством. Но щит я возьму.

Он вышел из комнаты, и, когда вернулся, глаза его сияли.

— Взгляните, друзья! — сказал он, протягивая свой щит. — Час назад он был чёрным и без герба, а теперь! — Щит блестел, как серебро, и на нём, ярче крови или вишен, пламенел лев. — Теперь ясно, — произнёс принц, — что Аслан поведет нас, что бы с нами ни случилось. Преклоним колена и поцелуем его изображение. Затем мы спустимся в город и примем судьбу, посланную нам.

Так они и сделали. Когда Юстэс прощался с Джил, он сказал:

— До свидания. Прости, что хамил. Надеюсь, ты доберёшься невредимой.

А Джил сказала:

— До свидания. Прости, что бывала свиньёй.

В первый раз они покаялись друг перед другом, ведь в школе это не принято.

Принц открыл дверь, и они вышли на лестницу, трое — с мечами наголо. Стража исчезла, огромная комната у подножия лестницы была пуста. В опустевшем доме стояла мёртвая тишина. На первом этаже они встретили подземца — толстое белокожее создание с поросячьим лицом. Он подъедал остатки пищи на столах. Взвизгнув по-поросячьи при виде путников, он шмыгнул под скамью, спрятав свой длинный хвост.

Выйдя во двор, Джил почувствовала запах конюшни — такой честный, добрый, напомнивший об уроках верховой езды. И тут Юстэс крикнул:

— Ой, что это?!

Длинная ракета взвилась над замком и рассыпалась зелёными звёздами.

— Фейерверк! — удивилась Джил.

— Да, — подтвердил Юстэс, — но подземцы не из тех, кто пускает ракеты шутки ради. Это сигнал.

— Ничего хорошего он не предвещает… — проговорил Хмур.

— Друзья, — сказал принц, — когда человек решился на такое, как мы, он должен оставить

надежды и страхи, иначе смерть или свобода придут слишком поздно, чтобы спасти его разум и честь. Ну, лошадки! — И он открыл ворота конюшни. — Тихо, Уголёк! Не бойся, Снежинка! Мы не забыли о вас.

Лошади пугались света и шума, и Джил помогла принцу оседлать их и взнуздать. Под звонкий цокот копыт они выехали через главные ворота на улицу: Джил и Хмур верхом на Снежинке, Юстэс с принцем на Угольке.

— Сгореть мы не сгорим, и на том спасибо, — заметил Хмур, указывая направо. В нескольких метрах от них о стены домов плескалась вода.

— Смелее! — сказал принц. — Дорога здесь спускается полого, вода уже не прибывает. Я больше опасаюсь вон кого. — И он указал шпагой на высокого крупного подземца с кабаньими клыками. Он и еще шесть таких же только что выскочили из боковой улицы и жались к стенам домов.

Принц ехал вперёд к мерцающему красному свету. Он был очень рад, что освободился от злых чар, все опасности казались ему пустяковыми по сравнению с тем, что было, и он даже насвистывал старую песню про принца Корина. Но остальным было жутковато.

Позади них, судя по грохоту, сталкивались суда, рушились здания. Впереди слышался гул голосов, вопли, смех, грохот и скрежет. В небе разноцветными огнями загорался фейерверк. Что всё это

значило, никто не мог понять. Когда они достигли окраины, дело приняло более серьёзный оборот. Теперь они могли ближе разглядеть своих врагов. Сотни, а может быть, и тысячи гномов двигались к источнику света. Продвигались они короткими бросками, останавливаясь и разглядывая путешественников.

— Если бы вы спросили меня, ваше высочество, — начал Хмур, — я ответил бы, что эти твари собираются отрезать нам путь.

— Я тоже так думаю, — ответил принц. — Сквозь толпу нам не прорваться. Давайте держаться ближе вон к тому дому, а потом скроемся в его тени. Мы двое и наша юная леди поедем вперёд, хотя кто-нибудь из этих негодяев будет нас преследовать, уж точно. А ты, Хмур, стань в засаду и отлови одного своими длинными руками. Мы сможем узнать от него, что они замышляют.

— Другие кинутся его спасать, — сказала Джил не совсем твёрдым голосом.

— Тогда, миледи, — отвечал принц, — мы умрём, защищая вас, а вы препоручите себя Льву. Ну, добрый мой Хмур, иди.

Квакль соскочил с коня и быстро скользнул в тень. Остальные шагом продвигались вперёд. Вдруг позади раздались пронзительные крики

и знакомый голос произнёс: «А ну-ка! Не кричи, пока не треснули. Можно подумать, поросёнка режут».

— Хорошо сделано, мой друг! — воскликнул принц. — Юстэс, будь любезен, подержи поводья.

Он спешился, и все трое молча уставились на Хмура, выводящего на свет свою добычу. Это был гном-замухрышка фута в три высотой. На голове у него был гребень вроде петушиного, только жёсткий; маленькие розовые глазки и толстая мордочка придавали ему сходство с карликовым гиппопотамом.

— Что же, подземец, говори правду, — молвил принц, поднося остриё меча к шее пленника. — Веди себя как честный гном. Обманешь — умрёшь. Добрый мой Хмур, как же он сможет говорить, пока ты его держишь за горло?

— Никак не сможет, — сказал Хмур, — равно как и кусаться. Будь у меня такие дурацкие руки, как у людей (прошу прощения, ваше высочество), он бы мне их прогрыз до костей. Все же и кваклю надоедает, когда его жуют.

— Гном, — сказал Рилиан, — укусишь ещё раз, и тебе конец. Отпусти его, Хмур.

— О-о-о! — завопил подземец. — Пустите меня, пустите, это не я!

— Что не ты? — спросил Хмур.

— Всё что хотите, ваша честь! — отвечал гном.

— Как твоё имя, — спросил принц, — и чем это вы все заняты?

— О ваша честь, о ваша милость! — голосил гном. — Обещайте, что не скажете королеве!

— Та, кого ты зовёшь королевой, мертва, — строго произнес принц. — Я сам убил её.

— Что?! — вскричал гном, широко открывая рот от удивления. — Мертва? Эта ведьма? И вы её убили? — Он облегчённо вздохнул и добавил: — Тогда вы друг нам, ваша милость!

Принц отвёл меч от его шеи. Хмур разрешил ему сесть. Гном обвёл путешественников моргающими красными глазками, хихикнул, ещё раз хихикнул и начал свой рассказ.

Глава четырнадцатая
Самое дно мира

— Меня зовут Гогл, — сказал гном, — и я расскажу вам, что знаю. Час назад все мы делали нашу работу — вернее, её работу, и было нам, как всегда, невесело. Мы молчали. Вдруг раздался страшный грохот. Только он раздался, каждый подумал про себя: «Как давно я не пел, не тан-

цевал, не трещал хлопушками. Почему же это? Должно быть, я заколдован. Зачем мне тащить это бремя? Не хочу больше, и всё». Мы побросали мешки, вязанки, лопаты, обернулись и увидели вон там яркий свет. И каждый спросил себя: что это? И каждый ответил себе: разверзлась бездна, и мягкий тёплый свет поднимается с самого дна мира, которое на тысячу метров глубже нас.

— Ну и дела! — воскликнул Юстэс. — Неужели есть места ещё глубже ваших?

— Как же, ваша честь, — ответил Гогл, — и прекрасные, надо сказать. Мы называем их Землёй Бисма. Сейчас мы в колдовской стране Подземье. Она, на наш гномий вкус, слишком близко к Наземью. Ох-хо-хо, почти и разницы нет. Понимаете, Колдунья извлекла нас из Бисма и заставила на неё работать. И мы обо всём этом забыли — кто мы такие и где наша родина. Мы могли делать и думать только то, что она нам внушала. А внушала она только мрачное и унылое. Я почти забыл, как смеются и пляшут. Но когда раздался треск, открылась бездна и море стало вздыматься, я всё вспомнил. И мы, конечно, решили спуститься по расщелине к себе домой, на родину. Вот вы и видите теперь, как все наши на головах стоят от радости и пускают фейерверк. Буду вам очень

признателен, если вы и мне позволите к ним присоединиться.

— Ой, как хорошо! — воскликнула Джил. — Я очень рада, что мы освободили гномов! И ещё я рада, что и они, и принц не такие страшные, как казалось.

— Все это очень хорошо, — осторожно начал Хмур, — но что-то я не вижу, чтобы эти гномы спешили к себе на родину. Скорее они похожи на военный отряд. Ну-ка посмотри мне в лицо, Гогл, и скажи: не готовились ли вы к бою?

— Разумеется, готовились, ваша честь, — ответил Гогл. — Видите ли, мы не знали, что Колдунья мертва. Мы думали, она наблюдает за нами из замка. Мы пытались удрать незаметно. И когда вы четверо появились на конях и с мечами, каждый подумал про себя: «Ну вот, явились!» Мы ведь не знали, что ваша честь против Колдуньи, и решили сражаться до конца.

— Клянусь, это честный гном, — сказал принц. — Отпусти его, друг мой Хмур. Любезный Гогл, я был заколдован, как и ты и твои друзья, и память только что вернулась ко мне. А теперь скажи нам: не знаешь ли ты дороги к тем новым ходам, по которым Колдунья собиралась вести армию против Наземья?

— Как не знать! Я покажу вам, где она начинается, только не просите меня провожать вас. Я скорее умру.

— Почему? — с тревогой спросил Юстэс. — Что там такого?

— Слишком высоко, — ответил Гогл и вздрогнул. — Для нас это самое страшное. Колдунья собиралась отправить нас наружу, на поверхность земли. Говорят, там вообще нет крыши над головой, только огромная пустота, которую называют небом. Те ходы зашли далеко, взмахни лопатой ещё раз-два — и выйдешь на поверхность.

— Да что ты говоришь! — вскричал Юстэс, а Джил сказала:

— Наверху совсем не страшно. Нам там нравится. Мы живём там.

— Я слышал, что вы, наземцы, там живёте, — ответил Гогл. — Но я думал, это просто оттого, что вы не знаете дороги вниз. Неужели вам нравится ползать, как мухам, по земле?

— Ты лучше покажи нам дорогу, — попросил Хмур.

— В добрый час! — воскликнул принц.

И все отправились в путь. Принц вскочил на коня. Хмур сел позади Джил, Гогл указывал доро-

гу, выкрикивая на ходу, что Колдунья мертва и что четверо наземцев не опасны. Те, что слышали первыми добрую весть, передавали её остальным, и через несколько минут всё Подземье огласилось криками и гамом: сотни гномов прыгали, катали обручи, стояли на головах, играли в чехарду, трещали огромными хлопушками. Они собрались вокруг Уголька и Снежинки, и принц десять раз подряд рассказывал, как его околдовали и как освободили.

Так они достигли обрыва. Он был глубиной в тысячу футов и футов в двести шириной. Они спешились, подошли к краю и заглянули вниз. Сильный жар обдал их лица, и они почувствовали странный запах. В глубине обрыва что-то сверкало, словно огненная река. Склоны, спускавшиеся к ослепительной ленте, переливались синим, алым, зеленоватым, ослепительно белым, словно огромный витраж. По неровным краям тёмные, как жуки, на этом фоне карабкались подземцы.

— Достопочтенные господа, — обратился Гогл к путникам, — почему бы и вам не спуститься вниз? Там, в Бисме, вы были бы счастливее, чем в холодном, незащищённом, голом Наземье. По крайней мере, загляните к нам в гости.

Джил была убеждена, что никто и на секунду не соблазнится таким предложением, но, к своему ужасу, услышала, как принц говорит:

— В самом деле, добрый мой Гогл, я почти готов отправиться с тобой. Это замечательное путешествие, и ни один человек, вероятно, никогда не заглядывал в Бисм и никогда не заглянет. Но могут ли там жить люди? Плаваете вы сами по огненной реке?

— Нет, ваша милость, мы не плаваем. Только саламандры живут в огне.

— А кто они такие? — спросил принц.

— Трудно сказать, — ответил Гогл. — Они раскалены добела, на них не посмотришь. Больше всего они похожи на ящерок. Они говорят с нами прямо из огня. И какие они умные, какие учёные, заслушаешься!

Джил взглянула на Юстэса. Она была уверена, что ему совсем не хочется спускаться вниз. Но сердце у неё упало, когда она увидела, как он переменился. Теперь он больше походил на Рилиана, чем на Вреда из экспериментальной школы. Юстэс снова стал тем, кто плавал с королём на край света. Он сказал:

— Ваше высочество, если бы здесь был мой старый друг, Мыш Рипичип, он сказал бы, что честь

велит вам отправиться в Бисм.

— Тогда вниз! — воскликнул Гогл. — Я покажу вам золото, серебро и драгоценные камни.

— Что вы, честное слово! — фыркнула Джил. — Мы и так глубже всяких шахт.

— Да, — ответил Гогл, — я слыхал о тех дырках в земной коре, которые наземцы зовут шахтами. Но там добывают мёртвое золото, мёртвое серебро и самоцветы. А у нас в Бисме всё это живое, как трава или цветы. Я сорву для вас ветку спелых рубинов, выжму чашечку алмазного сока. Да вы и прикоснуться не захотите к холодным сокровищам ваших мелких шахт, когда попробуете живые.

— Мой отец плавал на край света, — задумчиво произнёс Рилиан. — Сыну его пристало спуститься на Дно Мира.

— Если ваше высочество хочет застать отца в живых, — возразил Хмур, — сейчас самое время отправиться наверх.

— И я не стану спускаться в эту дыру, — добавила Джил.

— Ну что ж, если вы решили вернуться на землю, — сказал Гогл, — есть один участок дороги пониже, чем этот. И если на реке прилив…

— Боюсь, что нам действительно надо отправ-

ляться, — вздохнул принц. — Но половину сердца я оставил в Бисме.

— Где же дорога? — спросил Хмур.

— Вдоль неё стоят фонари, — ответил Гогл. — Начало её видно за обрывом.

— А фонари долго будут светить? — спросил Хмур. В этот миг голос, шипящий, словно огонь, раздался из глубин (потом они гадали, не саламандра ли это):

— Быстро! Быстро! К скалам! Щель закрывается, закрывается, закрывается! Быстро!

И со страшным треском и грохотом скалы стали сдвигаться. Со всех сторон сломя голову в щель бросились запоздавшие гномы. Они не стали лезть по скалам, просто падали и потому ли, что снизу поднимался горячий воздух, или почему ещё летели неспешно, как листья. Их было всё больше, и вскоре они тёмным роем скрыли и огненную реку, и яркие полосы самоцветов.

— До свидания! — прокричал Гогл и нырнул вниз едва не последним. Теперь щель была не шире реки. Потом стала узкой, как у почтового ящика; наконец, они различали только светящуюся нитку. Скалы сомкнулись с таким грохотом, словно сотни поездов разом сцепили буфера. Горячий, душный запах исчез. Путники были одни

в Подземье. Стало еще темнее, лишь тусклые лампы отмечали путь.

— М-да… — протянул Хмур. — Подзадержались мы… Эти лампы потухнут минут через пять, помяните моё слово.

Лошадей пустили галопом, и подковы зацокали по сумеречной дороге. Почти сразу путь пошел под уклон. Они бы подумали, что Гогл обманул их, не свети на другой стороне долины другие фонари, всё выше и выше. По дну долины быстро текла вода.

— Поспешим! — крикнул принц, и они галопом спустились по склону. Уже минут через пять там не было бы пути. Поток нёсся по долине, как с мельничной запруды, но глубина была пока с полметра. И хотя вокруг лошадиных ног вода крутилась водоворотом, они благополучно достигли другого берега.

Начался медленный, утомительный подъём. Впереди ничего не было видно, кроме тусклых фонарей, взбиравшихся всё выше и выше. Оглянувшись назад, путники увидели, как разлилась вода. И холмы Подземья стали теперь островами. На этих островах стояли фонари, но каждый миг какой-нибудь из них угасал. Наступала полнейшая темнота, видна была только дорога.

Надо было спешить, но лошади устали, пришлось ненадолго остановиться. Шум воды стал громче в тишине.

— Интересно, — сказала Джил, — залило этого… Отца Время? И спящих зверей…

— Нет, они выше, — сказал Юстэс. — Помнишь, как мы долго спускались до моря?

— Не нравятся мне эти фонари… — сказал Хмур. — Что-то они бледноваты…

— Такими они и были, — возразила Джил.

— Сейчас свет зеленее, — настаивал Хмур.

— Думаешь, они гаснут? — спросил Юстэс.

— Да уж вечно светить не будут, — ответил квакль. — Но ты не унывай, Юстэс. Вода вроде течёт помедленней.

— Что с того, друг, — сказал принц, — если мы не можем выбраться? Простите меня! Это моя гордыня и моя страсть задержали нас у самого входа в Бисм. Ну, вперёд!

Дорога тем временем менялась. Верхний свод Подземья был уже так близко, что даже при тусклом свете они отчетливо видели его. Мощные грубые стены теснили их со всех сторон. Им попадались кирки, лопаты, тачки — несомненно, здесь недавно копали.

Наконец, свод навис так низко, что Хмур и

принц стукнулись об него головами. Все спешились и повели лошадей рядом. Дорога была неровной, и каждый шаг приходилось делать с осторожностью. Вдруг Джил вскрикнула. Свет впереди исчез, свет позади — тоже. Они оказались в полной темноте.

— Мужайтесь, друзья, — раздался голос принца. — Погибнем мы или спасёмся, Аслан нас не оставит.

— Вы правы, ваше высочество, — отозвался Хмур. — А если застрянем, тоже есть своя польза: родные сэкономят на наших похоронах.

Джил промолчала. (Если вы не хотите, чтобы другие знали, как вы напуганы, самое мудрое — молчать: голос вас выдаст.)

— Чем здесь стоять, — сказал Юстэс, — можно с таким же успехом идти дальше. — Голос его дрожал, и Джил поняла, что поступила правильно.

Хмур и Юстэс тронулись первыми, вытянув вперёд руки, чтобы ни на что не наткнуться. Джил и принц шли следом, ведя лошадей.

— Интересно, — послышался голос Юстэса, — это мне кажется или там впереди свет?

И тут же заговорил Хмур:

— Стоп. Это тупик. Здесь земля, а не камень. Что ты сказал, Юстэс?

— Аслан свидетель, Юстэс прав, — начал принц. — Здесь что-то вроде…

— Это не дневной свет, — возразила Джил. — Он холодный, голубой…

— Все лучше, чем тьма, — заметил Юстэс. — А можем мы к нему подобраться?

— Он не впереди, а над нами, — сказал Хмур. — Наверху той стены, в которую я упёрся. Не могла бы ты, Джил, взобраться мне на плечи и посмотреть, что там такое?

Глава пятнадцатая
О том, как исчезла Джил

Свет, как это ни странно, ничего внизу не освещал. Было слышно, но не видно, как Джил пытается взобраться кваклю на спину. Точнее, было слышно, как он говорит ей: «Не обязательно тыкать мне пальцем в глаз… и ставить ногу мне в рот…», а попозже: «Давай, давай, я держу тебя за ноги, руками ты сможешь опереться».

Юстэс и принц подняли головы и увидели тёмный контур головы на фоне слабого света.

— Ну как? — закричали они оба.

— Это дыра, — ответила Джил. — Я бы про-

скользнула в неё, если бы поднялась ещё немного.

— А что там видно? — спросил Юстэс.

— Пока ничего, — ответила Джил. — А ну-ка, Хмур, встану-ка я тебе на плечи, чем сидеть на них. Я могу держаться за край.

Они услышали, как она возится, затем увидели её силуэт на фоне серого света.

— Знаете… — начала Джил и вдруг закричала, но не от испуга. Звук был такой, словно рот ей прикрыла чья-то ладонь или в него что-то натолкали. Затем она вновь обрела голос, и ей казалось, что она кричит изо всех сил, но никто ничего не слышал, и тут случилось сразу две вещи: во-первых, пятно света на секунду пропало; во-вторых, все услышали шорох и пыхтение. Голос квакля проговорил, задыхаясь:

— На помощь! Быстрее! Держите её за ноги! Кто-то тащит её! Вон там! Нет, здесь! Ой, уже поздно!

Отверстие и холодноватый свет по-прежнему были видны, но Джил исчезла.

— Джил! Джил! — в отчаянии кричали они. Ответа не было.

— Ты что, не мог её удержать? — возопил Юстэс.

— Не знаю, — тяжело вздохнул квакль. — Такой

уж я уродился, неудачник. Судьба, что называется. Из-за меня погибла Джил, я ел говорящего оленя — всё не вина моя, а судьба.

— Позор нам и печаль! — сказал принц. — Мы послали отважную юную деву в стан врагов, а сами — в безопасности.

— Ну, не так уж всё плохо, — возразил Хмур. — Мы не в безопасности, мы умрем с голоду.

— Интересно, а я смогу пролезть там, где Джил? — спросил Юстэс.

А с Джил произошло вот что. Когда она высунула голову из дыры, то оказалась не в люке, а как бы на балконе. Она так долго была в темноте, что поначалу ничего не могла различить и разобрала только, что вокруг не солнечный дневной мир, как она надеялась. Воздух был мертвяще-холодным, свет — бледно-голубым. Что-то шумело, в воздухе летали какие-то белые шары. Затем она услышала топанье ног, звуки скрипок, дудочек и барабана. Джил осмотрелась. Она выглядывала из дыры в склоне холма. Все было белым-бело, вокруг толпилось множество существ, и она открыла рот от изумления, узнав невысоких ловких фавнов и дриад с волосами-ветками. Приглядевшись, она поняла, что они танцуют, но танец их столь сложен, что разобраться в нём сразу никто

бы не смог. До неё вдруг дошло, что бледный свет исходит от луны и что белизна кругом — снег. В тёмном морозном небе сияли звёзды, тёмные колонны позади танцующих оказались деревьями. Значит, путники не только поднялись в свой верхний мир, но и очутились в самом сердце Нарнии. У Джил голова закружилась от радости, а музыка — весёлая, волшебная, лёгкая, исполненная добрых чар, — привела её в полный восторг.

Всё это быстрее увидеть, чем описать. Джил почти сразу повернулась, чтобы сказать друзьям: «Знаете, всё отлично! Мы выбрались, мы дома!» — но произнесла только «знаете», и вот почему. Вокруг танцующих кольцом кружили гномы в лучших своих нарядах. На головах у них были красные капюшоны, отороченные мехом, с золотыми кисточками, а на ногах — высокие меховые ботинки. Они бросались снежками, это и были те белые шары, которые видела Джил. Они не швыряли их в танцующих, как глупые мальчишки, — нет, они бросали их в такт музыке, и столь точно, что, если бы танцоры ни разу не сбились с ноги, ни один снежок не попал бы в живое существо. Танец этот — Большой Снежный Танец — исполняют ежегодно в первое снежное полнолуние. Конечно, это ещё и игра, потому что

танцоры нет-нет да сбивались и получали снежком в лоб, и никто не насмехался, все радовались. Если танцуют уж очень хорошо, снежок ни в кого не попадает. Когда мороз, и уханье сов, и лунный свет разгорячат лесных созданий, они пляшут до утра, и я бы очень хотел, чтобы вы их увидели.

Едва Джил произнесла «знаете», она запнулась просто потому, что огромный снежок, пролетевший между танцорами, попал прямо в неё и залепил ей рот. Сейчас она не обиделась бы, если бы в неё попали и двадцать снежков; однако с набитым ртом говорить невозможно. Когда Джил выплюнула снег и обрела голос, она почти всё забыла от возбуждения. Она просто высунулась из дыры, как могла, и закричала танцорам:

— Помогите! Помогите! Мы зарыты в холме! Откопайте нас!

Нарнийцы, никогда не замечавшие дыры, очень удивились и стали осматриваться. Наконец они поняли, откуда идёт голос. Увидев Джил, они бросились к ней, мигом взобрались на бугор и протянули к ней руки. Джил ухватилась за них и вывалилась из дыры в снег. Она поднялась и сказала:

— Давайте откопаем остальных!.. Там трое людей и две лошади. Там принц Рилиан!

Её окружила толпа, потому что, кроме танцоров, здесь было много зрителей, которых она сначала не заметила. Белки посыпались с деревьев вперемешку с совами. Ежи спешили на коротких лапках, медведи и барсуки шли степенно. А пантера, взволнованно крутя хвостом, присоединилась к обществу последней.

Едва они поняли, что сказала Джил, как развили бурную деятельность.

— Живо за лопаты! — крикнули гномы. — За кирки! — И помчались к лесу.

— Разбудите-ка кротов, им и копать, — сказал кто-то. — А что она там сказала о принце Рилиане?

— Тсс! — прошипела пантера. — Бедная девочка не в своем уме. Шутка ли, столько пробыть внутри холма! Не понимает, что говорит.

— Вот именно, — сказал медведь.

— Да нет, она сказала, что принц Рилиан — это лошадь, — возразил кто-то.

— Нет, не говорила! — дерзко крикнула белка.

— Говорила, — возразила другая, еще более дерзкая.

— Да чт-т-то вы! Это п-п-правда! Какие вы глупые! — говорила Джил, стуча зубами от холода.

Дриада накинула на неё меховой плащ, а один

услужливый фавн поспешил в пещеру за горячим питьём. Он ещё не вернулся, когда гномы принесли лопаты и заступы и работа закипела. Тут Джил услышала крик: «Эй, что ты делаешь! Опусти-ка меч!», а потом: «Ну, ну, юноша, полегче», — и даже: «Да, норов у него!» Джил поспешила к этому месту и, не зная, плакать ей или смеяться, увидела в дыре бледное и грязное лицо Юстэса. Он неистово размахивал мечом, пытаясь проткнуть всякого, кто к нему приблизится.

Конечно, для Юстэса последние минуты проходили совсем не так, как для Джил. Он слышал её крик и видел исчезновение. Как и принц и Хмур, он думал, что её схватили враги. Он решил, что дыра ведёт в другую пещеру, освещённую каким-то жутким светом и населённую неведомыми злыми тварями. Когда он уговорил Хмура подставить плечи и ему, выхватил меч и высунул голову, он проявил большую храбрость. Другие бы тоже так сделали, но для них дыра была уж слишком мала. Юстэс был побольше Джил и не так ловок, вылезал он неуклюже и обрушил вниз целый сугроб. Когда он смог разглядеть хоть что-то, к нему мчались десятки странных существ; удивительно ли, что он стал защищаться?

— Юстэс! — закричала Джил. — Это друзья! Не-

ужели ты не видишь? Мы в Нарнии. Всё хорошо.

Тут Юстэс всё понял, извинился перед гномами (они сказали: «Не за что, не за что!»). Множество коротких волосатых рук протянулось к нему. Джил сунула голову в тёмный проём и крикнула добрую весть остальным. Когда она снова подняла голову, то услышала, как Хмур сказал: «Бедная Джил! Столько испытаний! Последняя капля… Повредилась умом… Ничуть не удивляюсь! Вот всякое и мерещится!..»

Юстэсу тоже принесли тёплый плащ и горячий грог. Пока они с Джил медленно пили его, гномы очистили весь снег вокруг дыры, так же весело работая кирками и лопатами, как плясали десять минут назад. Здесь на холоде, при лунном свете, под крупными нарнийскими звёздами (они там ближе, чем у нас), среди добрых весёлых лиц трудно было поверить, что где-то существует Подземье.

Грог ещё пили, когда появилось с десяток заспанных и недовольных кротов. Едва услышав, в чём дело, они охотно включились в работу. Даже фавны помогали, отвозили землю в маленьких тачках. Белки скакали туда и сюда, медведи и совы давали советы, и все уговаривали детей пойти в пещеру и поужинать у огня. Но дети и

слышать не хотели об этом прежде, чем их друзей освободят.

В нашем мире никто не может так хорошо рыть землю, как гномы и кроты в Нарнии. Правда, они не считают это работой, они любят копать. Очень скоро в холме открылась большая дыра. Из темноты на лунный свет вышло длинноногое создание в остроконечной шляпе (те, кто не видел кваклей, могли бы испугаться). За ним, ведя за поводья лошадей, следовал принц Рилиан.

Когда появился Хмур, со всех сторон раздались крики: «Да это же квакль! Хмур с Восточных болот! Как поживаешь, старина? А тебя ищут! Лорд Трам издал указ, назначил награду!» Но все смолкли в один миг, едва увидели принца, — так замирает шум в классе, если заглянет директор. Все сразу поняли, кто это. Многие звери, гномы,

дриады и фавны помнили его, а те, кто постарше, — и самого короля в молодости (принц был очень похож на отца). Но его узнали бы всё равно. Он был бледен, растрёпан, утомлён, в чёрной пыльной одежде, но что-то было в его лице, что есть у всех славных королей Нарнии, правящих волей Аслана и восседающих в Кэр-Паравале на троне короля Питера. Все сразу обнажили головы и преклонили колена. А в следующий миг запрыгали, закричали, стали кувыркаться, целоваться, обниматься, так что у Джил даже слёзы выступили на глазах.

— Ваше высочество, — произнёс старший из гномов, — мы просим вас отведать вон в той пещере наш скромный ужин, приготовленный по случаю Снежного Танца…

— Охотно, — ответил принц. — Наверное, ни один принц, рыцарь или медведь не были так голодны, как мы.

И все двинулись к пещере. Джил слышала, как Хмур говорил своим ближайшим спутникам:

— Нет, нет, моя история подождёт. Ничего особенного со мной не было. Я хотел бы услышать новости. И не пытайтесь ничего приглаживать, приукрашивать, я хочу узнать всё сразу. Королевский корабль потерпел крушение? Сгорели леса?

Прилетели драконы?

А все громко смеялись и говорили:

— Ах, квакли, квакли…

Дети падали с ног от усталости и голода, но тепло пещеры, огонь очага, отблески, пляшущие по стенам, и деревянный стол, как на ферме, и каменный пол, и разноцветная посуда оживили их. И всё же они задремали, пока готовился ужин. А пока они дремали, принц Рилиан рассказывал об их приключениях старейшим зверям и мудрейшим гномам. Теперь всё было ясно: и как злая Колдунья (конечно, та самая, что заморозила некогда Нарнию) убила королеву, а потом заколдовала самого принца; и как она вела подкоп под Нарнию, собираясь разделаться с ней и править от имени принца; и как он даже не подозревал, что земля, где он должен стать королем (лишь по имени, конечно), — его собственная страна. Судя по тому, что случилось с детьми, Колдунья была в сговоре со злыми великанами Харфанга.

— А урок из этого, ваше высочество, можно вывести такой, — сказал самый старый гном. — Ведьмы всегда хотят одного и того же, но в каждом столетии действуют иначе!

Глава шестнадцатая
Всё хорошо

Когда наутро Джил проснулась, она думала одну страшную секунду, что вернулась в Подземье. Но заметив, что лежит на вереске под пушистым плащом, и увидев, что огонь трещит в очаге (словно его только что разожгли), а в пещеру заглядывает солнце, она всё вспомнила и обрадовалась. Ей показалось, что пахнет жа-

реными колбасками. Накануне она прекрасно поужинала, хотя и очень хотела спать, и сейчас ей смутно припомнилось, как гномы толпились у огня с огромными, больше них, сковородками и жарили колбаски — не школьные сосиски, где сои больше, чем мяса, а настоящие, сочные, румяные. И жареную картошку она ела, и калёные орехи, и печёные яблоки, набитые изюмом, и мороженое, а пила шоколад.

Джил присела и огляделась. Хмур и Юстэс спали неподалёку.

— Эй, вы, вставать не собираетесь? — крикнула она. И услышала сонный голос где-то наверху:

— Фух-фух! Кто это спит до двух? Ух!

— Мне кажется, — сказала Джил, взглянув на большой пушистый ком перьев, громоздящийся на старинных часах в углу пещеры, — мне кажется, это наша Сова!

— Так, так! — зашумела Сова, вынимая из-под крыла голову и открывая один глаз. — Я прилетела сказать принцу то, что сообщила белка. Он уже отправился в дорогу. Вам нужно поспешить за ним. Доброго пути! — И голова её вновь исчезла.

Больше Сова говорить не собиралась. Джил поднялась и стала искать, где бы ей умыться и как бы позавтракать. Тут в пещеру вошёл ма-

ленький фавн, цокая козлиными копытцами по каменному полу.

— А, ты проснулась, дочь Евы, — сказал он. — Разбуди сына Адама, вам нужно отправляться в путь. Двое кентавров любезно предложили доставить вас в Кэр-Параваль! — И тихо добавил: — Вы, конечно, понимаете, что это особая, неслыханная честь — ехать верхом на кентавре. Ждать им не пристало.

— Где принц? — спросили Юстэс и Хмур, едва проснувшись.

— Отправился в Кэр-Параваль, чтобы встретить отца, — ответил фавн, которого звали Оррунс. — Корабль его величества вот-вот прибудет в гавань. Кажется, король повстречал Аслана — во сне или наяву, — и тот велел ему плыть назад и обещал, что в Нарнии он увидит сына.

Юстэс встал и вместе с Джил и фавном приготовил завтрак. Хмуру велели пока полежать. Кентавра по имени Облакон, знаменитого целителя, позвали взглянуть на его обожженные ступни.

— М-да! — сказал Хмур не без удовлетворения. — Наверное, отрежет мне ногу по колено. Вот увидите. — Но в постели остался с радостью.

На завтрак была яичница с тостами, и Юстэс

набросился на неё так, будто не ужинал совсем недавно.

— Знаешь, сын Адама, — сказал фавн, с некоторым страхом посматривая на него, — не стоит так уж сильно торопиться. Я думаю, кентавры ещё завтракают.

— Значит, они очень поздно встали? — удивился Юстэс.

— Нет, — возразил фавн, — они встали до зари.

— Значит, они долго ждали завтрака? — снова удивился Юстэс.

— Нет, они начали есть, как только встали.

— Ужас какой! Они столько едят на завтрак?

— Разве ты не знаешь, что у кентавров два желудка, человеческий и лошадиный? И оба требуют еды. Так что они едят кашу, почки, омлет с грудинкой, бутерброды с ветчиной, мармелад, пьют кофе и пиво, потом часок пасутся и снова едят — тёплые отруби, овёс, а под конец мешок сахару. Вот почему так трудно приглашать к себе кентавра на денёк-другой…

В этот момент послышался топот лошадиных копыт по камням, и дети обернулись. Два кентавра, один с чёрной, другой с золотой бородой, стекающей на грудь, ожидали их, слегка наклонив головы, чтобы заглянуть в пещеру. Тут дети

стали очень вежливыми и быстро кончили завтрак. Никто не назовёт кентавра смешным, если увидит его. Они величавы и мудры (мудрости их научили звёзды), редко веселятся, еще реже гневаются; но гнев их ужасен, как девятый вал.

— До свидания, милый Хмур, — сказала Джил, подходя к постели квакля. — Прости, что я называла тебя занудой.

— И меня прости, — сказал Юстэс. — Ты — лучший на свете друг.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, — сказала Джил.

— Навряд ли, — ответил Хмур. — Я не очень-то рассчитываю скоро попасть в свой старый вигвам. А принц — он славный малый, но здоровье у него… Наверное, совсем отощал под землёй. Того и гляди свалится.

— Хмур! — воскликнула Джил. — Старый притворщик! Вечно ты ноешь, как на похоронах, а сам, наверное, очень счастлив. Говоришь так, как будто всего на свете боишься, а на самом деле — храбрый, как… как лев.

— Ну, что до похорон… — начал Хмур, но Джил, услышав, что кентавры переступают копытами, очень удивила его: обняла за шею и поцеловала в грязновато-серую щёку; Юстэс пожал ему руку.

Затем дети бросились к кентаврам, а квакль, откинувшись на постели, заметил про себя: «Вот уж не мечтал! Хотя я и в самом деле недурён».

Ехать на кентавре — большая честь (а кроме Юстэса и Джил, никто из нас её не удостоился), но это ещё и очень неудобно. Тот, кому дорога жизнь, не решится оседлать кентавра, а скакать без седла — удовольствие маленькое. Особенно — если вы, как Юстэс, не умеете ездить верхом. Однако кентавры держались вежливо и важно и, не поворачивая головы, рассказывали своим всадникам о свойствах трав и корней, о влиянии планет и о девяти именах Аслана. Как больно и тряско ни было детям, они отдали бы всё, чтобы повторить это путешествие: снова увидеть поляны и склоны, сверкающие снегом, встретить кроликов, белок и птиц, желающих им доброго утра, подышать воздухом Нарнии и услышать голоса деревьев.

Они спустились к реке, ярко-синей при зимнем солнце, гораздо ниже последнего моста, который идёт от городка Беруны, где красные крыши, и квакль перевёз их на плоту (именно квакли выполняют в Нарнии почти все работы, связанные с водой и рыбой). А когда они переправились, то поскакали по южному берегу в Кэр-Параваль;

и в самый миг прибытия увидели, что яркий корабль, похожий на огромную птицу, скользит по реке. Придворные стояли толпой от дворца до набережной, чтобы приветствовать короля Каспиана. Принц, сменивший тёмную одежду на алый плащ и серебряную кольчугу, стоял у воды, обнажив голову. Трам сидел рядом в своей повозочке. Дети увидели, что пробраться сквозь толпу невозможно, и попросили кентавров, чтобы те позволили им посидеть у них на спинах еще немного, поглядеть поверх голов — и кентавры милостиво разрешили.

Серебряные трубы заиграли на корабельной палубе, матросы бросили канат, мыши (разумеется, говорящие) и квакли закрепили его на берегу. Корабль пришвартовался. Музыканты, размещённые где-то в толпе, заиграли прекрасный торжественный марш. Мыши подали трап. Джил думала увидеть короля Каспиана; но тут возникло замешательство. Один из лордов, очень бледный, сошёл на берег и преклонил колена перед принцем и Трамом. Несколько минут были видны лишь три головы, склонившиеся вместе, но никто не слышал слов. Музыка играла по-прежнему, и всё же народ насторожился. Затем на палубу медленно вышли четыре рыцаря. Когда

они стали спускаться по трапу, все увидели, что они несут на постели старого короля, бледного и неподвижного. Они сошли вниз. Принц наклонился и обнял отца. Король Каспиан поднял руку и благословил сына. Народ закричал «ура», но не очень радостно, ведь что-то было не так. Потом король откинулся на подушки, музыка смолкла, наступила мёртвая тишина. Принц уронил голову на носилки отца и заплакал.

Все зашептались и задвигались. Джил увидела, что те, на ком были шляпы, шлемы и капюшоны, обнажают головы. Потом она услыхала шуршание и хлопанье над замком — это приспускали знамя с золотым львом. А после этого медленно и жестоко зарыдали струны и трубы, и от музыки этой могло разорваться сердце.

Джил и Юстэс спустились со своих кентавров (те этого не заметили).

— Хотелось бы мне быть дома, — сказала Джил. Юстэс молча кивнул и закусил губу.

— Я здесь, — послышался глубокий голос. Они обернулись и увидели Льва, такого сильного, доброго, золотистого, что всё остальное поблекло. Джил забыла об умершем короле и помнила только, как Юстэс свалился из-за неё с обрыва, и как она напутала со знаками, и как они часто

ссорились. Она хотела сказать: «Прости меня», но не смогла. Лев взглядом позвал их, и склонился к ним, и коснулся языком их бледных лиц.

— Не думайте больше об этом, — промолвил он. — Я не сержусь. Ведь вы выполнили то, ради чего я послал вас в Нарнию.

— Аслан, — спросила Джил, — можно нам вернуться домой?

— Да, — ответил Лев. — Я и пришел забрать вас.

Он широко открыл пасть и дунул. На этот раз они не почувствовали, что летят: им показалось, что они стоят, как стояли, а сильным дыханием Льва сдуло корабль, замок, снег и зимнее небо. Все это уплыло по воздуху, как кольца дыма, и неожиданно они оказались в сиянии полуденного летнего солнца на мягкой траве, среди высоких деревьев, у чистого, свежего ручья. Они вновь были на горе Аслана, высоко над тем миром, где лежит Нарния. Но траурная музыка по королю всё звучала, хотя никто не смог бы сказать, откуда идёт звук.

У ручья Аслан остановился, и дети увидели на дне, на золотом песке, короля Каспиана. Вода покрывала его, как прозрачное стекло. Длинная белая борода стлалась, как водоросли. Все трое

стояли и плакали. Лев плакал огромными львиными слезами, каждая из которых дороже всей земли, даже если бы та стала одним огромным алмазом. И Джил увидела, что Юстэс плачет не как ребенок и не как подросток, скрывающий слезы, а как мужчина. Это было точнее всего, хотя тут, на горе, нет ни возраста, ни времени.

— Сын Адама, — сказал Аслан, — пойди в чащу, сорви колючку и принеси её мне.

Юстэс повиновался. Колючка была с целый фут длиной и острая, как шпага.

— Воткни её в мою лапу, сын Адама, — сказал Аслан, протягивая Юстэсу правую переднюю лапу.

— Это обязательно? — спросил Юстэс.

— Да, — сказал Аслан.

И Юстэс стиснул зубы и воткнул колючку, и показалась огромная капля крови и упала в ручей над телом короля. Скорбная музыка смолкла, а мёртвый король стал меняться. Белая борода посерела, потом пожелтела, укоротилась, исчезла совсем; запавшие щеки округлились, морщины разгладились, глаза открылись; он улыбнулся, поднялся, и перед ними встал юноша, нет — мальчик (Джил не смогла бы сказать точно, на горе Аслана возраста нет, да и тут, у нас, только

очень глупые дети выглядят совсем по-детски и очень глупые взрослые совсем по-взрослому). Он бросился к Аслану и обнял его и поцеловал, как целует король, а Аслан поцеловал его, как целует лев.

Наконец Каспиан повернулся к детям. И тут он засмеялся.

— Ох, Юстэс! — воскликнул он. — Юстэс! Значит, ты всё-таки добрался до края света. Как там мой меч, который ты обломал о Морского Змея?

Юстэс сделал к нему шаг, протянул руки, но вдруг отступил назад.

— Послушай, — запинаясь, проговорил он. — Я очень тебе рад, но разве ты… я хочу сказать, ты не…

— Ох, да не глупи! — сказал Каспиан.

— Разве он не… умер? — спросил Юстэс, глядя на Аслана.

— Да, — спокойно ответил Аслан, и Джил показалось, что он улыбается. — Он умер. Многие умерли. Даже я. Живых гораздо меньше.

— А! — воскликнул Каспиан. — Я знаю, что тебя беспокоит! Ты думаешь, я призрак или еще какая-нибудь чушь. Нет, в стране Аслана призраком не станешь. Конечно, я стал бы призраком, явись я теперь в Нарнии или в вашем мире. Но, наверное,

это еще не ваш мир, хотя вы и здесь.

Надежда осветила лица Юстэса и Джил, но Аслан покачал головой.

— Нет, дорогие мои, — сказал он. — Когда мы встретимся снова, вы останетесь здесь навсегда. Сейчас вы должны вернуться к себе.

— Сэр, — сказал Каспиан. — Мне всегда хотелось посмотреть на их мир. Это нехорошо?

— Теперь ты не можешь пожелать плохого, сын мой, — сказал Аслан. — Ты увидишь их мир на пять минут *их* времени. Да, пяти минут тебе достаточно. — И Аслан объяснил ему, куда вернутся Джил и Юстэс, причем об экспериментальной школе он всё, оказывается, знал.

— Дочь моя, — сказал Аслан, — отломи веточку от этого куста.

Она послушалась, и веточка сразу превратилась в тонкий хлыст.

— А теперь, сыны Адама, обнажите мечи, — продолжал Лев. — Но не пускайте их в дело, ибо я посылаю вас не против мужей, а против детей и трусов.

— Ты будешь с нами? — спросила Джил.

— Они увидят мою спину, — сказал Аслан.

Он быстро провёл их через лес прямо к школьной ограде и зарычал так громко, что солнце

покачнулось, стена перед ними обрушилась, и они увидели заросли и крышу под скучным осенним небом. Лев повернулся к Джил и Юстэсу, легко дохнул на них и лизнул им лоб. Потом он улегся в пролом стены, спиной к Англии; и в ту же минуту Джил увидела, что сквозь лавровые кусты к ним бегут те, кого она слишком хорошо знала. Почти все были тут — и Адела Пеннифевер, и Чолмли Старший, и Эдит Уинтерблот, и прыщавый Сорнер, и переросток Баннистер, и гнусные близнецы по фамилии Гаррет. Но они не добежали. Лица их изменились: всю тупость, подлость, важность, жестокость смыл неподдельный страх, ибо в стене зияла огромная дыра, в дыре лежал к ним задом лев с небольшого слона величиной, а на них неслись три воина с мечами, в сверкающих кольчугах. Они кинулись обратно, голося: «Убива-а-ают! Не-че-е-стно! Львы-ы-ы!» Директор (то была женщина) выбежала посмотреть, в чём дело. Увидев льва, дыру и непонятных рыцарей, она забилась в истерике и кинулась звонить в полицию, что из цирка сбежал лев, а из тюрьмы — уголовники, которые сломали ей стену и лезут с ножами. Тем временем Джил и Юстэс пробрались к себе и переоделись, а Каспиан вернулся к Аслану, который, уходя, дунул на стену, и пролом

исчез. Когда полиция, явившись, не обнаружила ни льва, ни дыры, ни уголовников, но увидела директоршу, начались расспросы; и очень многое выяснилось, и человек десять выгнали. А друзья директорши поняли, что ей это место не подходит, и перевели её в инспекторы, чтобы она руководила другими директорами. Когда же они подметили, что она и там не годится, её протолкнули в парламент, где она и нашла себя.

Юстэс закопал как-то ночью свои красивые одежды на школьном дворе, а Джил увезла свои домой и блистала в них на следующем маскараде. Школа из экспериментальной стала просто хорошей, Джил и Юстэс навсегда остались друзьями.

А в далекой Нарнии король Рилиан похоронил своего отца Каспиана Десятого Мореплавателя и долго оплакивал его. Сам он правил мудро, страна процветала, хотя Хмур (ноги его, кстати сказать, зажили за три недели) часто напоминал, что ясное утро — к непогоде, а добрые времена скоротечны. Дыру в холме так и оставили. В жаркие дни нарнийцы спускаются туда с фонарями и плавают на лодочках в подземном море, рассказывая друг другу о землях и городах, лежащих под ним. Если вам посчастливится попасть в Нарнию, не забудьте заглянуть в эти пещеры.